

РУССКИЙ XX ВЕК на кладбище под Парижем

Борис Носик

Борис Носик

**Русский XX век на
кладбище под Парижем**

«Автор»

2005

Носик Б. М.

Русский XX век на кладбище под Парижем / Б. М. Носик —
«Автор», 2005

На уникальном русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем упокоились поэты и царедворцы, бывшие министры и красавицы-балерины, великие князья и отставные террористы, фрейлины двора и портнихи, священники и безбожники, герои войны и агенты ГПУ, звезды кино и театральные режиссеры, бывшие закадычные друзья и смертельные враги... Иные из них встретили приход страшного XX века в расцвете своей русской славы, другие тогда еще не родились – судьба свела их вместе на этом островке России в океане Франции, на погосте ушедшего века. Оживляя их имена, мы словно листаем книгу их радостей и горестей, распутываем хитросплетенье судеб... Мы не выбирали соотечественников по профессиям и чинам, все достойны поминовения. Может, поэтому иные из читателей нашей книги (выходящей ныне вторым, расширенным изданием) утверждают, что наша скромная кладбищенская прогулка вместила больше, чем эмигрантские энциклопедии.

© Носик Б. М., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Вступление	6
АБАЦИЕВ (АВАТЗИЕФФ) МИСНЕЛ, 1891 – 1983	16
АВЪЕРИНО ВЛАДИМИР, Москва, 1903 – Париж, 1990	17
АГАФОНОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРИАНОВИЧ, штабс-капитан, 28.07.1895 – 24.12.1981	18
АДЛЕР АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВИЧ, 1903 – 1945	20
Гр. АДЛЕРБЕРГ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ, Гатчина, 26.06.1872 – Париж, 16 округ, 20.06.1944	21
АЙЗОВ ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ, 1900 – 1989	22
АЛЕКСАНДР (СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНЬСКИЙ), преосвященный епископ, настоятель Знаменского прихода в Париже, 7.10.90 – 16.05.1979	23
АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ, артист Петербургского Мариинского театра, 26.09.1879 – 19.02.1959	24
АЛЕКСИНСКИЙ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, бывший депутат Думы, 16.09.1879 – 4.10.1967	25
АЛЕКСИНСКАЯ-ЕВТИХИЕВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА, 13.10.1886 – 20.10.1968	26
АМАЛЬРИК АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, 12.05.1938 – 11.11.1980	27
АМЕСТУА (АМЕСТОУ; урожд. ПОРОХОНСКАЯ) МИЛИЦА, 1909 – 1992	28
АМЕТИСТОВ ТИХОН АЛЕКСАНДРОВИЧ, полковник Генерального штаба, секретарь епархиального управления, 1884 – 1941	29
Кн. АМИЛАХВАРИ ГИВИ ИВАНОВИЧ, генерал-майор, 25.04.1874 – 14.11.1943	30
АНДРЕЕВ АЛЕКСЕЙ РОМАНОВИЧ, 21.05.1899 – 9.10.1980	31
АНДРЕЕВ ВАДИМ ЛЕОНИДОВИЧ, 1903 – 1976	32
АНДРЕЕВ ВАЛЕНТИН ЛЕОНИДОВИЧ, 1912 – 1988	34
Вел. Кн. АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, 15.05.1879 – 30.10.1956	35
АНДРОНИКОВА (урожд. ВАХТЕР) ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА, 7.10.1890 – 25.8.1938	36
АНЦЫФЕРОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, профессор, 10.09.1867 – 5.03.1943	37
АФАНАСЬЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, протопресвитер, 4.11.1893 – 4.12.1966	38
БАЖЕНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, capitaine, 20.04.1918 – 8.12.1955	39
БАЗАНОВ ВСЕВОЛОД ИВАНОВИЧ, professeur a l'ecole des hautes studes, 24.02.1897 – 5.06.1951	40
БАЙКОВ ГЛЕБ АРКАДЬЕВИЧ, 13-го гусарского Нарвского полка ротмистр, 11.04.1895 – 10.04.1969	41
БАКСТ АНДРЕЙ, 21.09.1907 – 8.02.1972	42
БАКУНИН АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ, 10.04.1871 – 1945	43
БАЛАШОВА-УШКОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА, балерина Московских Императорских театров, 1887 – 1979	45

БАРЖАНСКИЙ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, lieutenant, mort pour la France, 14.05.1913 – 9.06.1944	46
Кн. БАРЯТИНСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, 20.12.1874 – 7.03.1941	47
БЕЗВЕРХИЙ (BEZWERKHUY) Cornely, soldat, 100e reg. inf., 18.05.1912 – 4.06.1940, Meurthe et Moselle	48
БЕК-СОФИЕВ МАКСИМИЛИАН ОСКАРОВИЧ, 5.01.1906 – 5.11.1937. Замучен насмерть в Колымских концлагерях	49
Гр. БЕЛЕВСКАЯ-ЖУКОВСКАЯ (урожд. княжна ТРУБЕЦКАЯ) МАРИЯ, 1.06.1870 – 20.03.1953	51
БЕЛЛИН ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ, 1/14.01.1920 – 21.08.1988	52
БЕЛЯЕВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ, доктор медицины, 10.07.1880 – 15.05.1956	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Борис Носик

Русский XX век на кладбище под Парижем

Антоше и Санечке

Вступление

Слух об удивительном кладбище под Парижем, где упокоились вдали от родных мест русские изгнанники – и писатели, и музыканты, и художники, и артисты, и великие князья, и княгини, и придворные фрейлины, и герои Белой Армии, и красавицы былых времен, – слух об этом гулял по Москве еще в 60-е годы, когда и в Париж-то пускали из Москвы редко, и то за особые заслуги, по загадочному выбору или по счастливой случайности. Самому мне в ту пору вообще не доводилось еще бывать на таинственном Западе, но думалось: вот попаду – непременно съезжу в это знаменитое местечко Сент-Женевьев-де-Буа... Попал я в Париж (и впервые на Запад) в 1976 году с писательской туристской группой, прилетели туда после недели, проведенной в Провансе, всего на три дня. Тут-то и объяснили мне, что до кладбища добраться мне будет трудно без машины да с малыми деньгами, тем более дорога не простая – пригородный поезд или автобус плюс еще автобус, на все нужно время... В самом Париже я почти все, что хотел, успел обегать, но уезжал с обидой – знаменитого кладбища не видел. А тут еще в самолете были попутчицами две питерские дамы, они меня просто застыдили:

- Как, Вы даже не были в Сент-Женевьев? Позор!
- А вы-то как успели?
- Ну, мы ведь были целый месяц в Париже. По частному приглашению...
- Значит, по приглашению можно? А я и не знал, что пускают...

Добравшись до Москвы, я в ту же ночь дозвонился в Париж и стал Христом Богом просить Веронику Шильц, чтоб прислала мне «частное приглашение». Потому что я ничего не успел. Даже на кладбище в Сент-Женевьев не успел...

Прислали мне не слишком убедительное приглашение, но, что было удивительно, выпустили («Под визит Леонида Ильича...») – смутно объяснила мне благожелательная красавица в районной милиции) – в общем, поехал... А теперь вот живу по большей части в деревушке в Шампани, но помню, что этот новый виток моей жизни начался для меня с московской легенды о кладбище. Недаром говорят, кабы до нас люди не мерли, и мы б на тот свет дороги не нашли.

Помню, как после моей поездки, в конце 70-х, горнолыжники в Баксанском ущелье долго еще пели звездными вечерами под любительский перебор гитары моего друга Влада Чеботарева нашу с ним незамысловатую песню:

Городок неприметный Святой Женевьевы,
Не простой Женевьевы – Лесной, «де буа».
Только леса не видно за теми деревьями
И церквушкой, построенной А. Бенуа.
И березы, березы... И могилы, могилы...
И знакомые русские все имена...

К середине 80-х я уже был почти парижанин и каждый год бродил по дорожкам этого кладбища: оно ведь и правда удивительное, это кладбище, может, самый примечательный из зарубежных русских некрополей, обиталищ мертвых. Я бы даже сказал не мертвых, а просто тех, кто были до нас (я с удовлетворением отыскал недавно в парижском кладбищенском путе-

водителе Жака Барози вполне точную формулировку: «кладбище заполняют бывшие живые, явившиеся на свиданье с будущими покойниками») и кто все наши радости и горести изведали чуть раньше, чем мы. Ну, а потом, изведав, ушли: «не на живот рождаемся, а на смерть». Но уход их вовсе не сделал их чужими и недоступными для нас: остались их письма, воспоминания близких, их собственные мемуары...

Бродя по дорожкам в этом редкостном для Франции березняке (Цветаевой, бывшей здесь однажды, и небо над этими березами показалось русским, курским), мы заново переживаем перипетии их жизней, их судеб. А судьбы им выпали бурные: революции, войны, бегство, потеря близких, разоренье, разлуки, жизнь в чужом краю, где никто их не ждал с распростертыми объятьями... Но, конечно, и радости у них были, и любовь, и удача, и рождение детей, и вдохновение, и стихи...

Есть люди, которые обходят кладбища стороной, а есть люди, которые любят бродить по кладбищам («умереть сегодня – страшно, а когда-нибудь – ничего»). Я отношусь к последним, оттого с охотой принимаюсь нынче за рассказ о знаменитом русском некрополе. С охотой, и даже с таким чувством, что рассказ этот может оказаться бесполезным. С одной стороны, он как бы приблизит к родному дому тех, кому пришлось умереть на чужбине. С другой – он и родине может напомнить о ее заброшенных на дальний край Европы детях. Заодно и нам напомнит некоторые страницы русской истории и русской культуры, напомнит наших собратьев из русской эмигрантской колонии Парижа, кое-какие перипетии их жизни и печальные эпизоды, предшествовавшие их изгнанию. На кладбище ведь столько сходится вместе знакомых и незнакомых людей, столько завершается драм, столько развязывается сюжетов, в какой бы путаный узел их не завязала судьба. Именно это отметила однажды Анна Ахматова, вспоминая в далекой (куда дальше от Питера лежащей, чем Париж) Средней Азии петербургское кладбище:

Вот здесь кончалось все: обеды у Донона,
Интриги и чины, балет, текущий счет...
На ветхом цоколе – дворянская корона
И ржавый ангелок сухие слезы льет.

Прогулка по кладбищу и встречи с именами, в той или иной степени знаковыми, вызывают у нас чаще всего не мысли о смерти, а воспоминания о жизни – о чужих жизнях и о своей жизни. В предисловии к книге «Кладбища Парижа» один из французских любителей кладбищенских прогулок (журналист Мишель Дансель, неоднократно заявлявший, что предпочитает кладбища паркам, ипподромам и показам моды) высказывает ту же мысль: «Кладбище – это, прежде всего, перепутье для размышлений, наилучший уголок для прогулок, в ходе которых можно мысленно плести над чужими могилами узорное кружево собственной жизни».

Говоря о знакомых именах, которые встречаются на могильных камнях и крестах, я имею в виду, конечно, в первую очередь имена, известные и прежним эмигрантам и нынешним россиянам. Однако это не значит, что я намерен соблюдать былую или новейшую «табель о рангах» и сводить нашу прогулку по кладбищу к пробежке по статьям эмигрантских энциклопедий (которые хоть пока и неполные, а все же, слава Богу, начали выходить – одна за другой). Самый жанр «прогулки» и самая серьезность обстановки позволяют нам пренебречь подобной «табелью о рангах». Это, кстати, подметил и упомянутый мной выше французский автор (Дансель), который предварял свою книгу следующим предупреждением: «В царстве мертвых нет логики, там царствует свобода. И если я задержусь перед какими-нибудь могилами дольше обычного, это не означает, что несчастные, или, напротив, блаженные, которые лежат в них, более важны, чем прочие покойники. Так что, книга моя не должна уподобиться ни справоч-

нику, ни доклада о былых знаменитостях, ни исчерпывающему каталогу, ни тематическому или инвентарному списку или реестру...»

Кстати сказать, инвентарный список захоронений на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа издан был в Париже (составитель Иван Грезин, издание славного Жака Феррана) – огромный том, содержащий 10 000 имен (450 страниц – и все только имена и даты). На подобную инвентарную прогулку нам, боюсь, может не хватить остатка жизни («жили сажень, а доживать – пядень»). Но все же и мы с Вами слишком-то спешить не будем. Еще у нас есть время, хотя сколько его осталось, не знаю: «никто живой предела своего не изведаль». Рассказ наш о покинувших уже наш мир русских эмигрантах-парижанах волей-неволей оживит в нашей памяти тот старый русский эмигрантский Париж между войнами, ту уникальную колонию изгнанников, равную которой вряд ли припомнишь в мировой истории изгнаний и эмиграций – и по значимости ее в родной истории, и по уровню ее, и по вкладу ее в русское и французское культурное наследие. Напоминание об этих изгнанниках, об их трудах и жизни, порой даже о мелочах той жизни будут, как и сама наша меланхолическая прогулка по кладбищу, чем-то вроде акта поминовения, хотя и вполне светского акта. Так что обещаю в рассказе о посещаемых во время прогулки соотечественниках выдерживать достойно меланхолический настрой (да его и не избежать, ибо жаль и их, усопших, и нас жаль, ближайших кандидатов, уже теснящихся у входа под вечную сень, жаль изгнанников, не увидевших больше при жизни родной земли, жаль и родину, лишившуюся стольких достойных детей в угоду насильникам). Однако постараюсь не впадать при этом ни в заунывную тоску, ни в панегирический тон эпитафий, судя по которым, «все женщины добродетельны и нестерпимо добры, а все мужчины прямодушны, честны, надежны, отважны и являются образчиком всех добродетелей». Формулу эту вывел из французских кладбищенских эпитафий все тот же Мишель Дансель (ох уж эти насмешники-французы!).

Как от века ведется в солидных изданиях, для начала надо обратиться к истории этого русского кладбища близ Парижа – откуда оно пошло. Известно, что кладбища – неизменный спутник человеческих поселений («жить надейся, а умирать готовься», «жил не жил – а помирай!»). И если уж при мирном городке или цветущей деревне с неизбежностью вырастают холмики могил, то что уж тогда говорить о таких человеческих общежитиях, как больница, богадельня или «старческий дом». Знаменитый русский некрополь Сент-Женевьев-де-Буа как раз и возник поначалу при здешнем старческом доме (более благозвучно его звали еще Русским домом). История же появления этого знаменитого старческого дома, она из тех историй, какие принято рассказывать под Рождество. Их и называют «рождественскими сказками»: мол, так в жизни не бывает. А вот и бывает. В данном случае именно так все и было – как в рождественской сказке. Историю я эту вычитал в воспоминаниях главы Западной Православной Церкви митрополита Евлогия, на него можно положиться. Вот она, эта история...

В первые годы эмиграции княгиня Вера Кирилловна Мещерская и ее сестра Елена Кирилловна Орлова (обе в девичестве носили фамилию Струве) открыли в поисках заработка пансион для благородных девиц. Точнее, девицы эти были скорее богатые, чем благородные (все как есть из Америки или Англии), но желали приобрести благородные манеры, прежде чем выйти замуж. Этим манерам и учили их две русские дамы из высшего русского общества. Среди пансионерок была юная дочь миллионера, которую звали Доротея, Дороти (уменьшительно Долли – Дороти Паджет, точнее, вероятно, Паджит, а у русских авторов чаще даже Педжет). Она очень привязалась к своим благородным наставницам, и по окончании курса она спросила Веру Кирилловну, что бы она могла такое сделать для нее лично или для этих бедных русских эмигрантов, которым приходится нелегко на чужбине – деньги, мол, у нее есть, денег не жаль (как видите, данная девица была и впрямь существо благодарное и благородное, даром что из богатых). Вера Кирилловна сказала, что ей лично ничего не нужно, – а вот нельзя ли сделать что-нибудь для престарелых русских. Молодые поручики и даже нестарые еще полков-

ники и генералы сели за баранку такси, зарабатывают на жизнь, имеют крышу над головой, а вот старикам некуда деться. Открыть бы для них приют...

Вот дальше все и было, как в рождественской сказке. Купила добросердечная американская (хотя жила она как будто в Англии) девушка великолепную старинную усадьбу в Сент-Женевьев-де-Буа, некогда роскошное владение наполеоновского маршала – прекрасный дом с флигелями и службами, а вокруг большой парк, и сад: тишина, красота, комфорт... Бездомных и одиноких русских стариков было в Париже много, так что главное здание сразу заполнилось, а за ним и флигеля, и службы, а потом уж стали снимать квартиры у местных жителей. Юная благотворительница Долли поставила Русский дом на широкую ногу, следила, чтоб ни в чем у стареньких русских не было недостатка. Как вспоминает митрополит, «своих подопечных мисс Педжет любила, приезжала навещать, о них заботилась, их баловала. На большие праздники старалась их получше угостить, присылала самолетом индеек, гусей...».

Митрополит с юмором рассказывает об эксцессах этой меценатской любви. Однажды в день 14 июля – национального французского праздника разрушения Бастилии – мисс Паджит решила доставить удовольствие обитателям Русского дома, которые, бедняги, сиднем сидят в пригороде и не принимают участия в национальном празднике, что славится грохотом петард и фейерверками. Конечно, ей в голову не могло прийти, что и петарды, и фейерверки, и самое слово революция (а кровавая русская революция, как уверяют здешние знатоки, была родной дочерью французской) вряд ли могли вызвать у ее подопечных какие-нибудь достойные воспоминания. Разве что воспоминания о горящих усадьбах, о расстрелах, о беспощадном, слепом терроре, о гибели близких, о войне, о бегстве, о разорении, о нищете и голоде... Впрочем, откуда было это понять беспечной американской девочке, если и сами русские позабыли обо всем (как Вы убедитесь в ходе нашей прогулки) очень скоро? Так или иначе, по просьбе Долли была снята в Париже роскошная вилла с видом на Сену, обставили ее дорогой мебелью, провели туда электричество, закупили фруктов, конфет, заказали грандиозный ужин с шампанским – в общем, тысяч в 40 – 50 обошлась эта затея, которую митрополит Евлогий так комментирует в своих мемуарах:

«Широкая, но странная затея. Дряхлых старичков и старушек везли в грузовиках с опасением, что до Парижа всех живыми, быть может, и не довезут. Фейерверк вряд ли мог доставить большое удовольствие этим престарелым людям. Но доброй мисс Педжет хотелось дать бедной русской аристократии, хоть на один день, иллюзию былой, привольной, богатой жизни».

Легко заметить, что ностальгические воспоминания иных из его духовных детей о «былой, привольной, богатой жизни» вызывают у митрополита, рожденного в бедной семье многодетного батюшки в глухом селе Тульской губернии, лишь снисходительную усмешку. Недаром из всех анекдотов о жизни тогдашнего Русского дома и кладбища ему вспомнился через полтора десятилетия именно такой:

«Вопрос о происхождении, чинах и титулах играет в Русском доме роль немалую. Рассказывают следующий анекдот, характеризующий психологию призреваемых.

На местном кладбище разговаривают три старушки, выбирая себе место для вечного упокоения; заспорили об одном наиболее видном месте.

– А мой муж был губернатор...

– А мой – генерал-лейтенант...

– А мой... – начала третья старушка, и замаялась... – кто же был мой? Ах, запомнотвала...

– Да Вы же незамужняя!.. – запротестовали спутницы.

– Ах да, действительно, я не была замужем... – смущенно сказала бедная старушка».

Эпизод подводит нас к нашему предмету, а заодно и ко взглядам высокопреосвященнейшего владыки на пустой старушечий спор. Взгляд тот нашел отражение и в священных книгах, и в перлах народной мудрости: «Смерть всех поравняет», «Царь и народ – все в землю пойдет», «Сегодня полковник, завтра – покойник», и еще, и еще...

Далека ли дорога от старческого дома до места последнего упокоения? К началу Второй мировой войны на здешнем кладбище было уже около четырех сотен могил (нынче их уже за десять тысяч). И не только обитатели старческого дома поставляли новых насельников маленькому русскому кладбищу, но и многие парижане, а также русские обитатели южных и западных парижских пригородов. Митрополит Евлогий так объяснял это:

«Часто русские предпочитают хоронить своих близких в S-te Genevieve, а не на парижских кладбищах потому, что здесь постоянно творится православная молитва и как-то приятнее лежать среди своих соотечественников».

И первая (православная молитва) и вторая («лежать среди своих соотечественников») причины того предпочтения, которое отдавали русские эмигранты новому, загородному кладбищу, вполне существенны. И за границей, и в России кладбища (как верно отмечают в своем кладбищенском справочнике-путеводителе петербургские историки А. Кобак и Ю. Пирютко) «находились в ведении духовного начальства и носили строго конфессиональный характер». То, что православных тянуло на свое, православное кладбище, не нуждается в долгих объяснениях: кладбище – «нива Божия, где умершие ждут воскресения в час Страшного Суда», и воскреснуть тоже хотелось бы не в одиночестве, а среди своих. Но и российским иноверцам, и российским атеистам (тем, кого в эмиграции, во всех странах, без различия их вероисповедания и расы, называют просто «русскими») тоже хотелось быть похороненными «среди своих соотечественников». Так что возможны были исключения (впрочем, редкие). Историки петербургских кладбищ отметили, что уже и Петр I допускал исключения для иноверцев, что ж тогда говорить о межвоенной русской эмиграции в Париже, где просвещенное духовенство отличалось высокой степенью терпимости. Что же до перешедших в православие иноверцев, то Вы и сами заметите, сколько тут немецких имен из Прибалтики (из Курляндии, Ливонии, Эстонии), сколько потомков рыцарей тевтонского ордена и выходцев из старинной прибалтийской буржуазии, получивших дворянство на русской службе, сколько потомков Мюрата, Бурбонов, Бонапарта, потомков британцев (Лейсли, Огильви, Гамильтонов-Хомутовых, Гордонов, Кричтонов и даже Рамзеев), сколько Катударов, де Ланжеронов... Невольно вспомнятся иностранные слободы петровской Москвы (и немецкая, и голландская, и английская, и швейцарская...).

Кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа премного украсили и его церковь, и его березы, и его цветы. Надгробья же здесь по большей части традиционные, те же, что и на московских или петербургских кладбищах, много деревянных крестов. Надгробья побогаче заказывали чаще тому же Альберту Бенуа, что строил церковь. Состояние многих могил, как нынче выражаются, «оставляет желать»... Хуже того, у входа на кладбище бесконечные списки тех, кто могилы своей лишится, потому что плата за аренду кончается или уже кончилась. Французские надписи и новые памятники вторгаются в ряды ветхих крестов... Надо бы спасти кладбище – во имя предков, во имя русской истории... Да разве достучишься до новых русских миллиардеров? Где вы, русские меценаты? Одного Джорджа Сороса на всех не хватит...

Русская эмиграция пережила во Франции в 20 – 30-е годы истинное возрождение православной веры. Тексты из Евангелий встречаются на надгробиях чаще, чем прочие эпитафии. Среди самых распространенных: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», «Пустите детей приходите ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие», и еще вот это, почти изгнанническое, эмигрантское: «Блаженны изгнанные за правду...» (как на могиле моего учителя кинодраматургии – поэта, певца и драматурга Александра Галича).

Эпитафия была в России жанром заимствованным, однако успела дать образцы высокой поэзии, вроде пушкинской эпитафии младенцу Николеньке (сыну декабриста С. Г. Волконского и М. Н. Волконской-Раевской, последовавшей за мужем в Сибирь):

В сиянье, в радостном покое,

У трона Вечного Творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Как сделали это А. Кобак и Ю. Пирютко в своей прекрасной книге о петербургских некрополях, считаю уместным напомнить читателю похоронные правила православных россиян, которые строго соблюдались в эмиграции. Умиравшего исповедовал и причащал священник, над ним читали «молитвы на разлучение души и тела». Потом омывали мертвое тело под чтение псалмов и облачали в новую одежду. В напоминание о пеленах Иисуса во гробе тело покрывали саваном, в руки покойному вкладывали образ Спасителя, а на голову ему возлагали венчик (в знак надежды на милосердие Божие). Панихиду совершали дома, а отпевали покойника в храме, куда переносили его с зажженными свечами (в знак возвращения его к Вечному Свету). В церкви гроб ставили головой к двери, чтоб лицо усопшего было обращено к востоку («к востоку вечности»). Отпевали покойного после обедни, прощались с ним «последним целованием», читали «разрешительную молитву» и текст ее вкладывали в правую руку покойника. Потом погребальная процессия тянулась к кладбищу, где гроб с молитвою опускали в могилу. Священник крестовидно бросал землю на крышку гроба, лил на нее елей, сыпал пепел от кадила. Крест на могиле был символом спасения... Поминать усопшего принято было на третий день (когда душа вновь возносится к Богу) и на сороковой (когда душа получает определение Божьего суда). Молитва за упокой помогает умершему в загробной его судьбе. Кроме того, для поминовения усопших существуют у православных пять «родительских суббот» – перед Великим постом, во вторую, третью и четвертую субботы Великого поста и, наконец, в день Святой Троицы. Существуют, впрочем, и другие дни поминовения...

Из всего этого следует, что хотя бы и по причине хрупкости их и дряхлости обитателям старческого дома в Сент-Женевьев-де-Буа необходимо было иметь свою церковь. За организацию этой домово́й церкви принялись директор Дома генерал Вильчковский и один из призреваемых, контр-адмирал князь Н. С. Путятин. В помещении, примыкавшем к салону, украшенному портретами из старого русского посольства, они устроили церковь во имя святого Николая Мирликийского Чудотворца. По словам митрополита, это был «прекрасный храм в древнерусском стиле». Митрополит Евлогий назначил в эту церковь настоятелем одного из лучших своих священников – протоиерея Дмитрия Троицкого («умный священник, но с властным характером»). «Сначала все шло хорошо, – повествует демократ-митрополит (которого так любили эмигрантские писатели) со свойственной ему добродушной усмешкой, – за ектеньей возглашалось прошение «о благоверном всероссийском царственном доме и многострадальной родине нашей...», обитатели Русского дома благоволили к о. настоятелю, и он к ним, ценил тонкость их светских манер и изящество культурных навыков. А потом начались нелады. О. настоятель в тонкой культуре своих прихожан разочаровался...

Я перевел о. Троицкого в Галлиполийскую церковь, а из Кламара сюда – протоиерея о. Калашникова, прекрасного доброго пастыря и культурного человека. В России он занимал высокий пост в Министерстве Финансов».

Позднее, поскольку местные власти не разрешили строить церковь на самом кладбище, был прикуплен у ограды небольшой участок земли и на нем летом 1938 года началось строительство нового храма по проекту архитектора и художника Альберта Бенуа (брата знаменитого Александра Бенуа). Неутомимый М. М. Федоров сумел собрать среди бедной русской эмиграции 150000 франков на его постройку. Храм был в новгородском стиле XV – начала XVI века. В марте 1939 года Альберт Александрович Бенуа и его жена Маргарита Александровна приступили к росписи храма. Позднее им стали помогать искусный каллиграф и знаток старославянского письма Г. А. Шереметьев и другие добровольцы-художники, точнее худож-

ницы. Как сообщает митрополит, граф Шереметев поселился позднее тут же при храме «в смиренном звании псаломщика».

Освящение храма состоялось в октябре 1939 года. Шла война, и звонить в колокола было запрещено даже по случаю светлого праздника. Старенький митрополит был болен, но в тот день он почувствовал прилив бодрости и волнение, о котором рассказывал так:

«Вхожу в храм, уже расписанный и освобожденный от лесов... «Боже, как хорошо, дивно!..» – невольно вырвалось из души. Так поражен был я красотой храма... С бодрым духом, с благоговением приступил я к освящению... Трепетало сердце, когда я при входе в храм возглашал вдохновенные слова псалма: «Возьмите врата князи ваша и возьмитесь врата вечная, и внидет Царь славы», а певчие изнутри вопрошали: «Кто есть сей Царь славы?». И растворялись двери, и я со словами: «Господь сил, той есть Царь славы» вошел в освещенный храм, неся на главе св. мощи...

Ликующий, торжественный возвратился я в свое уединение... На душе было так легко, так светло, что на время будто забылись все угнетающие меня недуги...

Да будет благословенно имя Господне отныне и до века...».

Не раз, бывая в пустынной Успенской церкви в полуденный час или стоя у ограды в толпе в пасхальную ночь, когда трепещут огни зажженных свечей на могилах, вспоминал я это взволнованное описание старенького владыки и его прощальный возглас:

«Да будет благословенно имя Господне...».

От Успенской церкви и отправимся мы с Вами на нашу «кладбищенскую прогулку». Надо сказать, что в конце XVIII – первой трети XIX века «кладбищенские прогулки» были излюбленным литературным жанром. Однако прошло немало времени с тех пор, как милый человек Василий Андреевич Жуковский бродил между могилами. Менялись вкусы, менялись жанры. Сами люди менялись, только умирали по-прежнему...

Вот и мы будем бродить с Вами среди могил, но только уже по-своему, не по-жуковскому. Будем вспоминать ушедших как живых, как близких («рубаха к телу близка, а смерть ближе»), да и то сказать, далеко ли мы ушли, намного ли они нас опередили: «живешь – не оглянешься, помрешь – не спохватишься»... Сам я, честно сказать, оттого и люблю гулять по кладбищу, что люди эти для меня как живые. Если вкусы у нас с Вами сходятся, то Вы мне желанный попутчик.

Как Вы уже поняли, во время этой прогулки постараюсь я, в первую очередь, напомнить о наших соотечественниках – эмигрантах, которые здесь упокоились. И хотя далеко не все эмигранты-парижане (и тем более провинциалы) были похоронены на этом кладбище (много русских есть и на парижских кладбищах Пасси, Монпарнас, Батиньоль, Монмартр, и в пригородах Нейи, Бийянкур, Медон, Шель, Ганьи, Клиши, а еще ведь есть русские могилы в Ницце, в Ментоне...), а все же кладбище это уникальное (как уникальной была сама Первая русская эмиграция). Редко где найдешь на свете клочок земли, где сошлись бы так тесно имена князей и дворников, охранителей порядка и его разрушителей, поэтов и генералов, императорских фрейлин и казачьих есаулов, портних и балерин, певиц и приказчиц, генералов императорской свиты и агентов ГПУ, священников и киноактрис... Блистательные десятилетия XIX столетия сплетаются здесь с прославленным Серебряным веком, с катастрофой революции, с ужасом октябрьского переворота, с десятилетиями террора – вся история русского XX века на этом маленьком кладбище Франции близ Парижа. Воистину, похоронено здесь ушедшее столетие: погост XX века... Так уж случилось, что собралось здесь множество участников знаменитого костюмированного придворного бала 1903 года (чу, вступает музыка, кавалеры опрашивают боярские костюмы, дамы – кокошники...), выпускников Александровского (бывшего Царско-сельского) лицея, Императорской школы правоведения, Пажеского корпуса, Екатерининского и Смольного институтов благородных девиц. Собрались, как на последний смотр, воины-галлиполийцы, корниловцы, дроздовцы, алексеевцы, доблестные казаки, русские моряки. Здесь

хватило бы почтенных членов Государственного совета, чтоб провести его заседание, и достало бы депутатов, чтоб открыть прения Государственной думы. Здесь хватило бы актеров, чтоб поставить любой русский спектакль, в том числе и балетный, да и к съемкам фильма приступить возможно – упокоились под сенью этих берез гениальные режиссеры и актеры, и гримеры, и художники-декораторы, и нищие участники массовки... Хватило бы здесь ученых, чтоб создать Академию наук, хватило бы музыкантов, чтобы составить оркестр, открыть консерваторию. Достало бы протоиереев, чтоб отпеть эти жизни... Есть тут и мои русские знакомцы и сверстники. Из тех, кто был в трудные времена активнее и смелее других – кто требовал свободы при так называемом социализме, ну хоть свободы слова и творчества (Амальрик, Некрасов, Максимов, Панин, Тарковский, Галич...). И кто попал не под топор, а только в изгнание (такое бывало в России и раньше). И те, кто первыми узнали, что за морем телушка не полушка, и с отчаяньем убедились, что русские перемены придут не скоро, не враз, за 70 лет террора вся страна была перепахана, страна уж не та...

На здешних надгробьях прочтешь всей России известные имена, но многие из имен Вы, уверен, услышите впервые. Имена прекрасных, милых людей. Но и другие, не прекрасные, но достойные жалости, тоже... Мало кому известные агенты всемогущей советской Организации мирно упокоились здесь рядом со своими поднадзорными «белоэмигрантами» – ведь на кладбище все спокойненько... Прости им всем, Господи! И нас прости, сохрани...

Каждый раз, уходя после прогулки по этому кладбищу, уносил я в памяти то новую историю, то новое открытие из той жизни, казалось бы, давно знакомой – по книгам, по школе, по университетскому курсу истории... Вот, скажем, эти, русские либералы, демократы начала века, кадеты и прочие... Конечно, у них не было опыта, им было не справиться с пошедшей вразнос страной, но они ведь были идеалисты, не воровать же они шли в Думу... И сколько же они работали в эмиграции бесплатно – вот уж где была «общественная работа»! А все эти аристократы, фрейлины, статс-дамы, полковники... С каким достоинством они встретили бедность – сели за шитье, встали за прилавок, за ресторанный стойку, сели за баранку такси – без нытья, без попрошайничества... И обратите внимание, как недолго жили священники, как старо они выглядели – работа на износ? Как часто умирали эмигранты в тыловой Франции в 1940 – 1945 годах – отчего? От отчаянья? Война, война, еще война – безумный и подлый мир. И еще отчего-то умирали в 1956. Кто пережил эти годы, потом жили долго. Долго жили женщины, спокойно позволявшие себя любить. Долго жили люди, достигшие душевного спокойствия... А что ж эта знаменитая ностальгия, и бедность, и, главное, унижение, ущемленная гордость, не разрушали ли они душу: не оттого ли так легко вербовали здесь людишек ловцы душ из ГПУ? И еще, конечно, ужасным было (и напрасным) это ощущение своей эмигрантской маргинальности, желание прикоснуться к силе, которая брезжила где-то там, за железным занавесом, в России – не этим ли объяснялись чуть не повальная капитуляция эмигрантов в 1945-м, после войны, или их опасное «возвращенчество»?.. А взгляните, сколько иностранных имен у этих истинно русских людей – сколько же в ней кровей намешано, в молодой русской крови? И еще, и еще – сотни маленьких догадок и открытий придут Вам в голову на меланхолической нашей прогулке: у каждого будут свои...

Два слова о моих помощниках, советчиках, предшественниках при работе над книгой: всем большое спасибо, всем низкий поклон. Помогал мне замечательный герой войны Н. В. Вырубов, специалисты по генеалогии, вроде князя Д. М. Шаховского; помогли вольноневольны и мои предшественники, вроде блаженной памяти о. Б. Старка и Реймона де Понфийи, вроде И. Грезина, Н. Струве, д-ра Шулеповой, М. Горбовой, Э. Менегальдо, Н. Смирновой; помогали старые друзья и знакомые: Н. Б. Зайцева, Т. Б. Лебедева-Струве, З. А. Шаховская, Е. Д. Аржаковская-Клепинина, И. Н. Набоков, А. Шмеман, А. Кобак, Н. И. Кривошеин, Ксения Кривошеина, А. и З. Оболенские, Т. Л. Гладкова, В. Каневская, А. Вишневецкая, Э. Левина, Д. В. Сеземан, Б. Татищев, М. Андроников и, конечно, незабвенная Т. А. Осор-

гина-Бакунина. Должен признать, что инициатива создания этой книги принадлежала не мне (хоть и пришлось мне по душе), а издателям Л. И. Шумакову и В. А. Канавину. Должен особо поблагодарить их за помощь и ободряющие звонки из Питера.

Однажды Н. В. Вырубов сказал мне: «Есть один потрясающий человек. Он посмотрит на фотографию и скажет: «Граф такой-то...». А сам он даже и не русский – он француз, я Вам дам его телефон. Его зовут Жак Ферран». И вот мы встретились с этим Ферраном у Орлеанской заставы, неподалеку от банка, где Владимир Ильич хранил деньги, – присели за столик кафе. Я еще на подходе, издали его увидел и понял, что это он. Настоящий... Потом к нему поехал домой мой фотограф и самый верный помощник Борис Гессель, еле дотащил от него подарок – потрясающие тома исследований, альбомы фотографий, генеалогические его изыскания – там была вся дворянская эмиграция, все это он сам разыскал, раскопал, издал. Ферран рассказал мне, что с ним случилось. Одна старушка не знала, куда ей девать фотографии, показала ему. Он пригляделся: там была русская княжеская семья за столом в подмосковной усадьбе... Там были такие лица... С этого началось его увлечение... Я слушал его, и в голове во время рассказа две строчки вертелись неотступно: «Какие прекрасные лица. И как это было давно...». Думаю, что и Вас они будут преследовать... И эти «прекрасные лица», и горестные мысли о страшном кровопускании, которое учинили нашей с Вами милой родине лихие ленинцы, об успешной их «негативной селекции», истреблявшей и высылавшей за рубеж все лучшее, что сумела вырастить и воспитать прежняя (пусть и далеко не идеальная) Россия... Где они нынче, наши «капитаны индустрии» Рябушинские, наши щедрые Морозовы, Мамонтовы, наши подвижники-меценаты, бескорыстные русские масоны? Где миллионы и миллиарды долларов милостыни, пожертвованные на бедных, на искусство и науку богачами и чиновниками? Где, наконец, бывшие совестливые Розентали, щедрые и богобоязненные Цетлины, Фондаминские? Где эти бесконечно талантливые Мозжухины, Бенуа, Юрьевы... Неужто все тут, на этом теснимом уже аборигенами пятачке французской земли? А там? Неужто остались лишь неумные карьеристы и ненасытные хапуги в окружении вооруженных киллеров? Боже, спаси, сохрани мою милую родину...

Еще два-три слова о жанре этой книги, которую Вы, надеюсь, вознамерились прочитать. Это не энциклопедия и не путеводитель, хотя может при нужде служить худо-бедно замечителем и того и другого. Это книга для чтения, как и другие мои книги о Париже и русской эмиграции (их уже вышло несколько). Идеальный читатель представляется мне на диване (у себя дома) при угасшем «голубом огоньке» (гори он голубым огнем!), в худшем случае – на вагонной полке (да еще с карандашиком в руке). Человек, который бредет среди римских развалин, над горной пропастью или по улочке средневекового городка, а смотрит при этом неотрывно в путеводитель (и только в путеводитель), являет собой фигуру смехотворную. Особенно если он еще сверяет при этом цифры из путеводителя с действительным наличием колонн на фасаде храма (не обсчитали ли его гид и турагентство. Читать нужно дома – до и после. Ну, и еще можно, бродя (вполне меланхолично) среди могил нашего кладбища и наткнувшись на какую-нибудь странную или смутно знакомую фамилию (Степуржинская, Струве, Чистоганов, Лозинский, Бурцев, Глебова-Судейкина, Ленин, Адлер, Гуаданини), слезить в перечень имен, отыскать соответствующую страницу нашей книги, прочитать не спеша и с толком... Ну, а для тех, кто хочет просто «посетить» и «отметиться» («Где тут у вас Тарковский?» – хватают тебя за рукав среди крестов, за которыми голоса гидов с легким луганским акцентом объясняют, кто тут у них «играет значение»), мы приложим, конечно, и план с кладбищенскими «достопримечательностями» – и два-три часа пешей ходьбы и неистовых поисков до первой, и даже не первой, усталости. Но только суета все это. Настоящий читатель нетороплив... Так что, до встречи. Вечерком, у настольной лампы... Или у первой могилки... Кто там у нас первым по алфавиту? Мишель Абациев?.. Как же, как же, симпатичный осетин Миша...

*Шампань – Сент-Женевьев-де-Буа
октябрь 1999 – сентябрь 2004*

АБАЦИЕВ (АВАТЗИЕФФ) MICHEL, 1891 – 1983

Михаил Абациев был из знатного дворянского рода (родственник Джамбулата Абациева). Как и блистательный Гайто Газданов (мать которого была из рода Абациев), он был осетин, литератор и писал по-русски. Сотрудничал в самой популярной эмигрантской газете межвоенного Парижа – «Последних новостях» П. Н. Милюкова. В своей пространной оде, посвященной десятилетию редакторства Милюкова, юморист Дон-Аминадо не обошел вниманием и всеми любимого Мишу Абациева:

И Абациев, горный сын,
Наш Богом данный осетин.

Абациев сумел пережить горести новой войны – и жил долго.

АВЬЕРИНО ВЛАДИМИР, Москва, 1903 – Париж, 1990

В 1918 году пятнадцатилетний сын петербургского адвоката Владимир Авьерино познакомился в Кисловодске со своим сверстником Александром Казем-Бекем, будущим вождем «младороссов». Это было знакомство на лучшие десятилетия жизни...

Кисловодск в то время кишел беженцами из больших городов России, среди которых выделялись великие князья Андрей Владимирович и Борис Владимирович, а также спутница князя Андрея знаменитая балерина Матильда Кшесинская с сыном.

Владимир Авьерино вместе с его друзьями Александром Казем-Бекем, Сергеем Плаутиным, Кириллом Шевичем и другими сформировали группу монархической молодежи и занимались военно-политической подготовкой под руководством генерала Шевича и двух гусарских полковников. Позднее молодые люди собрались в Париже и составили ядро знаменитого союза «Молодая Россия», во главе которого встал Александр Казем-Бек. Владимир Авьерино занимал в этой партии самые разнообразные посты и выполнял вполне ответственные поручения. Так, в середине 20-х годов Авьерино был «старшиной» первого парижского «очага» младороссов и среди прочего нес ответственность за безопасность великого князя Кирилла и пансиона в Везине, который держала супруга младоросского «вождя» Светлана Казем-Бек. Согласно рассказам Авьерино, советские секретные службы и некий «Росовский» из ГПУ пытались проникнуть в среду молодежной организации, и Авьерино приходилось бороться с этими попытками. Вот рассказ В. Авьерино о его тогдашних подвигах (в записи писательницы М. Масип):

« В 1925 году Константин Добровольский, мать и сестры которого жили у Казем-Бек, вступил в контакт с советчиками, чтобы облегчить себе жизнь. Он получил 2000 франков, пообещав внедрить предателя в ряды движения. Александр узнал об этом, но Добровольский был женат на одной из сестер Вуич... (Госпожа Вуич с дочерьми жила тогда в пансионе Светланы Казем-Бек. – Б. Н.). «Глава» поручил мне судить предателя. Мы устроили в моей комнате инсценировку трибунала. Со мной были там Шевич, Збышевский и Николай Максимов. Комната была в полумраке, я постелил на столе темную простыню, а поверх нее положил наган. Я был председателем трибунала. Была глубокая ночь. Добровольский вошел и увидел пистолет. «Что тут у вас за маскарад?» Я ему объяснил, и он побледнел. Тогда я ему сказал: «Подпиши здесь, что ты поставлен в известность, и можешь идти. Мы тебе даем сорок восемь часов, чтоб ты покинул Францию». Прошло сорок восемь часов, и он хоть бы что... Александр мне сказал: «Теперь твой черед действовать». Я встал в пять часов утра, и поскольку мне было известно, что Добровольский укрылся на рю Жан-Гужон, 7, я туда отправился и позвонил у двери. Добровольский открыл дверь, я пригрозил ему револьвером, а потом я подумал, что мне вовсе не хочется, чтоб меня арестовали за убийство, и я ему дал еще отсрочку на двадцать четыре часа... Он уехал в Бельгию... там ему повезло и он женился на богатой...».

Такую вот историю из времен своей боевой молодости рассказал немолодой «младоросс» писательнице М. Масип. Судя по всему, подлинная история взаимоотношений «главы» Казем-Бека с советской разведкой была намного сложнее, чем это представлялось его простодушному соратнику В. Авьерино, который, пережив всех участников событий, в конце концов упокоился под этим надгробьем.

АГАФОНОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРИАНОВИЧ, штабс-капитан, 28.07.1895 – 24.12.1981

Штабс-капитан В. В. Агафонов был сыном русского ученого Валериана Константиновича Агафонова (1863 – 1955), почвовед, географа, писателя, друга известного геохимика и минералога академика В. И. Вернадского. В 1924 году эмигрант В. К. Агафонов представил Вернадского в Париже «королю жемчуга» и «русскому Соросу» начала века, знаменитому парижскому меценату Л. М. Розенталю, который, явившись в Париж из Владикавказа 14-летним мальчишкой с сотней франков в кармане, ко времени прибытия в Париж русских изгнанников из Первой волны эмиграции успел сказочно разбогатеть и осыпать благодарностями Р. Киплинга, Мари Кюри, С. Дягилева и многих других. 11 апреля 1922 года И. А. Бунин записал в свой дневник: «Розенталь предложил нам помощь: на год мне, Мережковскому, Куприну и Бальмонту по 1000 фр. в месяц». Розенталь оплачивал на летние месяцы и виллу для Бунина в Приморских Альпах. Фонд Розенталя предоставил Вернадскому для его научных исследований 30 000 франков, что позволило ученому написать обобщающий труд. (На заседаниях Фонда, обсуждавших возможности помощи, из тактических соображений присутствовал не сам Вернадский, а его друг В. К. Агафонов.) Поскольку больше никаких субсидий Вернадскому ни от кого получить не удалось, он в конце концов принял предложение вернуться в Россию, где правительство, согласившись забыть «среди своих» разговоры и о «равенстве», и о «классовой чуждости», предложило научной элите исключительные материальные и прочие привилегии. («Переходим в состав «привилегированный» в социалистическом диктаторском государстве», – писал В. И. Вернадский сыну в США.) Зато и продаваться интеллигенту надо было с потрохами, или хотя бы очень таиться и лгать направо и налево. Так что в письмах 1936 года к сыну В. И. Вернадский после недавних рассказов о терроре против интеллигенции, о голоде, каннибальстве, «фанатичных-изувер-кабальных диаматах» и т. п. вдруг начинает писать об «умственно... сильной» «головке», включающей таких мыслителей, как Ворошилов и Молотов (а вдруг все же прочтут!).

Что же до старого друга Вернадского Валериана Константиновича Агафонова (у которого его прославленный друг Вернадский по-прежнему останавливался в Париже), то он продолжал мирно преподавать в Сорбонне. В годы оккупации В. К. Агафонов был в Ницце. Как всегда, он озабочен был не своими бедами и хворями, а судьбой тех, кто голодают, кто в лагерях, кому грозит смерть. Писатель Михаил Осоргин (нежно называвший В. К. Агафонова «Старик») сообщал приятелю в одном из писем: «В Ницце Старик с друзьями устроили маленькое «Общество взаимопомощи», собирают немножко денег... Посылают мне, чтобы обращать деньги в продукты и снабжать нуждающихся, что мы посильно выполняем. Пустяк, а молодцы. Ваш привет Старика и другим перешлю...» (М. Осоргин упоминает в том же письме и друга-поэта, тоже масона, С. А. Луцкого, который «много работает, и сверхурочно, и все, что остается от содержания семьи, отдает»). За полгода до своей смерти 64-летний М. Осоргин писал В. К. Агафонову из своего маленького Шабри на границе «свободной зоны»: «...очень хочется, мой милый Старик, чем-нибудь оправдать существование, не пропадать здесь зря и без пользы. Вот только мои физические силы не соответствуют желаниям, иногда с утра уже чувствую себя усталым до крайности, едва способным шевелиться и писать (в двух шагах от оккупированной зоны Осоргин писал антифашистские статьи и печатал их в США – Б. Н.). Ладно, пока все в порядке. Делайте доброе дело, мы, как можем, помогаем. Сейчас послали посылочку пленному – пальчики оближешь... Не сладко русскому в немецком плену». И дальше стыдливая приписка – про чай: «Ты обещал пачку зелья – жду. Очень мне тяжело сидеть на мяте, розовых лепесточках и прочей зелени – с души воротит. Главное – работать невозможно».

Где же, мой спутник, как не у могилы офицера-изгнанника Г. В. Агафонова, вспомнить нам о добрых делах его отца, «Старика» В.К. Агафонова, мецената Л. Розенталя, писателя М. Осоргина, поэта и инженера С. Луцкого и других добрых самаритян?

АДЛЕР АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВИЧ, 1903 – 1945

Московский историк Дмитрий Волкогонов сообщает по поводу агента НКВД Марка Зборовского по кличке Тюльпан, что он был завербован в Париже «советским гражданином Александром Севастьяновичем Адлером». Поскольку Волкогонов был допущен в очень серьезные архивы, можно ему верить. Хотя, если верить цветаеву И. Кудровой (тоже побывавшей в хитрых архивах), Зборовского завербовал вовсе даже Афанасов, которого, в свою очередь, завербовал муж Цветаевой С. Эфрон. Впрочем, возможно, что вербовали нищенствующего эмигранта Зборовского оба агента, ибо и тот и другой работали на ГПУ. Остается только гадать, как дожил Александр Севастьянович в Париже до конца войны, спокойно ли спал по ночам, каковы были его отношения с беспечной французской разведкой, от чего умер 42 лет от роду. Что до агента Марка Зборовского, то он втерся в доверие и к сыну Троцкого Седову, и к самому Троцкому, способствовал, вероятно, гибели Седова (пытался он проникнуть и в мексиканское убежище Троцкого, но не был туда приглашен), выкрал парижский архив Троцкого и отправил его в Москву, а переселившись в США, сперва написал прочувствованный труд о жизни еврейских местечек, затем проник в среду русских социал-демократов и написал донос на Виктора Кравченко, и еще, и еще... Кое-какими из своих подвигов Зборовский похвастал на допросе в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, но далеко не всеми (так что «пресловутая Комиссия» занималась, как видите, не одними невинными агнцами). Зборовский отделался легким испугом, но самый акт его вербовки свидетельствует о том, что похороненный здесь А. С. Адлер был способный разведчик и не зря ел свой хлеб. Имя молодого «евразийца» Шуры Адлера попадает также в письмах Д. Святополк-Мирского и в записанных В. Лосской воспоминаниях о летнем отдыхе М. Цветаевой и С. Эфрона в Понтийяке в 1928 году и об эфроновской газете «Евразия»: «“Кухней” газетки занимался наш знакомый Шура Адлер... тогда ушедший по горло в Евразийство».

Позднее все они ушли в это самое евразийство уже не по горло, а с головой, однако оно встало им поперек горла. Упаси нас, Боже, от теоретиков и фанатиков-энтузиастов...

На днях посетил я могилку А. С. Адлера, что неподалеку от церкви Успения (первый квартал направо). Кто-то посадил на могиле елочку, но крест с купола, венчавшего памятник, сбит и лежит рядом... Печальная могила неизвестного «солдата невидимого фронта». Прости ему, Господи...

**Гр. АДЛЕРБЕРГ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,
Гатчина, 26.06.1872 – Париж, 16 округ, 20.06.1944**

**Гр. АДЛЕРБЕРГ (ур. ЕГОРОВА)
ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА,
Воронеж, 21.06.1890 – Оксер, 9.06.1963**

Граф Адлеберг происходил из старинного шведского рода, подобно другим знатым шведским семьям (например, Стенбок-Ферморам) переселившегося в Россию, где графское звание Адлебергов было подтверждено указами Николая I, Александра II и Александра III. Это, впрочем, не могло служить большим утешением уланскому полковнику графу Владимиру Васильевичу Адлебергу и его супруге Любви Владимировне, когда они попали в Париж в эмиграцию: жить было не на что. Граф занялся изготовлением украшенных бахромой модных шелковых оранжевых абажуров (именно под таким прошло мое московское детство – за неимением краски в Москве их красили стрептоцидом), однако в промысле своем не преуспел. Дочь воронежского помещика графиня Любовь Владимировна шила шелковое белье в одном из французских домов моды, и неплохо освоила новую профессию. И тогда граф решил открыть в своей тесной квартирке в 16-м округе Парижа собственный дом моды, который специализировался на пошиве шелкового белья. Затея увенчалась успехом, и дом белья «Адлеберг» просуществовал два десятка лет, пережив (впрочем, ненадолго) и Вторую мировую войну, и смерть графа. В своей замечательной книге об эмигрантских домах моды искусствовед Александр Васильев рассказывает любопытные подробности из жизни этого ателье. Русские мастерицы, жившие по соседству, в «русском» 16-м округе, брали работу на дом, а так как и клиентов графине принимать было негде, то готовые изделия разносили по домам распространительницы – «пласьержки», интеллигентные русские дамы, приятные в обхождении. Дом «Адлеберг» обслуживало больше двух десятков «пласьержек».

В 1937 году дом «Адлеберг» пережил свой звездный час: в сшитом портнихой Ниной Бологовской халате снялась знаменитая франко-румынская кинозвезда Эльвира Попеску. На мой взгляд, она не была так красива, как ее портнихи Н. Бологовская и графиня Адлеберг, но всякой – своя судьба. Граф В. В. Адлеберг умер в 1944 году и после его смерти графиня, как сообщает А. Васильев, «впала в чрезвычайную набожность». Она закрыла свой дом моды, стала монахиней в миру и шила рясы для русских священников. Умерла она в прекрасном бургундском городке Оксере, а похоронена была здесь, рядом с мужем.

АЙЗОВ ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ, 1900 – 1989

Утешительно, что бывший кадет и бывший батюшка Владимир Карлович Айзов прожил долго и, будет верить, счастливо, во всяком случае – последние полвека своей жизни, ибо начало его семейной жизни и скоро прервавшейся духовной карьеры отмечено было невзгодами, о которых с сожалением рассказал в своих мемуарах высокопреосвященнейший митрополит Евлогий: «О. Сухих всячески старался вывести в люди своего племянника... Вл. Айзова. Он выпросил, чтобы я рукоположил его в диаконы, а потом, после его женитьбы, – в священники. Скоро он заменил о. Н. Сухих на должности настоятеля в Крезе. Ловкий человек, Айзов быстро взял в руки прихожан и мог бы сделаться для прихода полезным человеком, если бы не несчастье, которое на него обрушилось: жена от родов умерла, и о. Айзов остался с двумя малолетними детьми на руках. Он потерял голову. Первое время я боялся за него. Понемногу обошлось, прихожане приняли в нем участие, среди них особенно горячо отозвалась одна семья. Вследствие близости о. Айзова к этой семье пошли компрометирующие его слухи... О. Айзов оправдывался, уверял меня, что это клевета. Я потребовал, чтобы он покинул Крезе. О. Айзов просил перевести его в Тулузу и поручить ему организацию там приходов (в окрестностях Тулузы много русских ферм). Новое назначение моральной пользы ему не принесло. На некоторое время он вторично был назначен в Крезе, но потом должен был снять сан: он женился на той девушке, с которой молва уже давно связывала его имя».

Все эти невзгоды молодых лет не сломили, однако, Владимира Карловича. Новая супруга оказалась труженицей, и в отчетах о жизни монжеронского детского дома для русских детей можно прочесть, что А. К. Айзова еще и в конце 60-х годов была «образцовая медицинская сестра, знающая каждого ребенка», и что ее муж В. К. Айзов не только заведовал хозяйственной частью дома, но и был «главный «украшитель» и декоратор во время всех празднеств и спектаклей». История этого детского дома и его организаторы (имена которых нам во время нашей прогулки, пожалуй, не встретятся) заслуживают нескольких добрых слов. В 1939 году хлопотами Софьи Михайловны Зерновой и ее помощницы С. М. Лопухиной через деятельный Центр помощи русским в эмиграции 600 русских детей были отправлены на отдых в Швейцарию. И вдруг – война! Детей срочно вернули в Париж, в Центр помощи. А Париж, ждавший газовой атаки, охватила паника, к вокзалам не подступиться... Дети приехали неожиданно – где их разместить? Княгиня Вера Мещерская согласилась потеснить старческий дом в Вильмуассоне, куда и привезли детей. Там русские дети жили 15 лет (росли в дружбе, уходили с лучшими воспоминаниями, на их место приходили новые). А в 1954-м щедрая русская женщина Надежда Петровна Нобель за гроши продала Центру помощи свое поместье, где стояли в парке у реки три дома. При оборудовании новых спален для детей, комнат и салонов им присвоены были имена жертвователей и тех, кто много сил отдавал помощи в эмиграции – Л. С. и Л. А. Гаргановых, дочери Гаргановой д'Агиар, композитора С. В. Рахманинова и его дочери Т. С. Конюс, матери Марии (жертвователю Д. Скобцов), княгини Вики Оболенской (на деньги «русских американцев» из Вашингтона), Б. А. Бахметьева, барона М. Ф. Шиллинга, И. И. Фондаминского, М. М. Кульман и Г. Г. Кульмана. Где ж, как не здесь, помянуть нам эти славные имена?

Бывший офицер А. П. Щебляков освоил ремесло каменщика и построил в Монжероне церковь, которую расписал о. Григорий Круг...

Вот в этом-то детском доме и трудились В. К. Айзов с супругой.

**АЛЕКСАНДР (СЕМЕНОВ-ТЯНЬ-ШАНЬСКИЙ),
преосвященный епископ, настоятель Знаменского
прихода в Париже, 7.10.90 – 16.05.1979**

В 1925 году будущий епископ, внук знаменитого русского путешественника и географа, исследователя Средней Азии, эмигрировал во Францию, где закончил Богословский институт (на Сергиевском подворье в Париже), был рукоположен в конце войны в священники, а в 1971 году возведен в сан епископа. Он явился составителем молитвенника и катехизиса, а также автором биографии Иоанна Кронштадтского.

**АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛЕКСАНДР
ДМИТРИЕВИЧ, артист Петербургского
Мариинского театра, 26.09.1879 – 19.02.1959**

(Судя по справочникам, был он Дормидонтович, мы же даем то, что обозначено на надгробии.)

Русская интеллигенция принесла из России в изгнание ощущение долга перед народом (в данном случае – перед «эмигрантским народом», как любил говорить проповедник и глашатай «ордена интеллигенции» И. И. Фондаминский), и в первую очередь перед молодым поколением, которое эмигранты растили для службы родине, России (а вышло, что для Франции). Воспитание молодежи считало одной из главных своих задач Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД). Именно в рамках этого движения в конце 40-х и начале 50-х знаменитый певец бывлой Мариинки А. Д. Александрович создал свою «Молодую оперу». Русским подросткам он сумел привить в ней любовь к русской классике и фольклору. Его «Молодая опера» с успехом показала на парижской сцене отрывки из «Жизни за царя» («Ивана Сусанина»), «Демона», «Русалки», «Евгения Онегина». В хоре «Молодой оперы» пело до сорока русских подростков в театральных костюмах, в декорациях М. Хвалынской...

АЛЕКСИНСКИЙ ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, бывший депутат Думы, 16.09.1879 – 4.10.1967

Г. А. Алексинский был социал-демократом, даже большевиком, но 4 июля 1917 года он имел смелость выступить с заявлением о том, что Ленин получил (для антивоенной пропаганды в России) деньги от немецкого Генерального штаба, так что в мае 1919-го Алексинскому пришлось, спасая жизнь, срочно бежать с семьей за границу. После захвата власти большевики позаботились о том, чтобы банковские документы, свидетельствующие о получении Лениным «немецких денег», были изъяты из архива, а беглого Г. Алексинского они судили заочно (известным своим приемом подверстав к какому-то «делу о тактическом центре») и объявили его за обнародование ленинских финансовых тайн «врагом народа». В Париже Г. Алексинский активно сотрудничал в эмигрантской прессе и даже издавал одно время свой еженедельник. Московский институт Маркса-Энгельса-Ленина вел перед войной переговоры с Г. Алексинским о покупке его архива, но в конце концов не купил этот архив, посчитав, что Г. Алексинский запросил слишком дорого. Так ведь и жизнь во Франции была не дешевая...

АЛЕКСИНСКАЯ-ЕВТИХИЕВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА, 13.10.1886 – 20.10.1968

Супруга Григория Алексеевича Алексинского Татьяна Ивановна и сама была активной социал-демократкой. В 1917 году она примыкала к группе Плеханова «Единство», о чем подробно рассказано в ее «записях» («1917 год»: «Я хожу по митингам, выступаю под фамилией Ивановой, Петровой, Денисовой...»).

После того как муж ее разоблачил связь Ленина с немецким Генштабом (после Первой мировой войны достоверность этих разоблачений подтвердили генерал Людендорф и немецкий социал-демократ Бернштейн, а после Второй мировой войны – преданные гласности документы из архива немецкого МИД), ей пришлось немало натерпеться страху, прежде чем она уговорила мужа бежать за границу. Пылкая революционерка Т. И. Алексинская все же успела, еще и до эмиграции, увидеть в России плоды своей революционной деятельности: «Горе! Всюду горе. Чужое горе, вернее наше общее...».

АМАЛЬРИК АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ, 12.05.1938 – 11.11.1980

Уже студентом истфака в Московском университете молодой Андрей Амальрик имел собственные мысли по всем вопросам, в частности по изучаемым им проблемам истории, например, по поводу роли норманнов в истории Киевской Руси. Эти мысли он изложил в своей дипломной работе, за что и был выгнан из университета. Это было в 1963 году, и «гласность» тогда не зашла еще настолько далеко, чтоб историку могли позволить иметь свои мысли. Не запрограммированные агитпропом мысли в ту пору назывались «диссидентскими», и 25-летний Андрей Амальрик стал «диссидентом». Это не значит, что он призывал к революции. Напротив, он призывал к соблюдению тогдашних российских законов и к охране прав граждан, «гарантированных» советской же, ежегодно прославляемой и ежедневно попираемой Конституцией. В общем, он стал «правозащитником», за что приговорен был для начала к двум годам ссылки в Сибирь: его попытка напомнить властям о правах и законах была квалифицирована советским судом как «антисоветская агитация и пропаганда». Вернувшись из ссылки, бесстрашный Амальрик не только написал книгу «Нежеланное путешествие в Сибирь», но и отдал ее печатать за границей (поскольку в России ее было не издать). Амальрик печатался в эту пору также в московских газетах, а в 1969 году он написал пророческую книгу «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?». Знаменитый Оруэлл написал мрачный роман о стране победившего социализма, здравствующей еще и в 1984 году. Оптимист Андрей Амальрик за 15 лет до предсказанной Оруэллом даты высказал сомнение в том, что «казарменный социализм» протянет еще так долго. Амальрик угадал с точностью до месяца (в 1984 году Горбачев приступил к «перестроечному» спасению системы, в результате которого она рухнула).

В Париже француженку грузинского происхождения Элен Каррер д'Анкос за подобные прогнозы (сделанные, впрочем, после Амальрика) избрали во Французскую академию. В Москве писателя Андрея Амальрика арестовали за то же самое и сослали в Магаданскую область. Он вернулся в 1975-м, ему было уже 37 лет. Власти предложили ему уехать, чтобы не было хуже. Он медлил, участвуя в организации Хельсинской группы в Москве. Позднее, за рубежом он стал ее представителем. Эмигрировал он в 1976-м, жил в изгнании (в Голландии, США, Швейцарии и Франции), но продолжал писать и выступать: доказывал, что русские не хуже прочих европейцев и имеют право на свободы и свободу. Однажды он один, в единственном числе, провел демонстрацию перед президентским дворцом в Париже, протестуя против равнодушия Запада к русской борьбе за демократические свободы. Полиция оттащила упрямого русского от дворца, но его цель была достигнута: фотографии попали во все газеты.

Андрей Амальрик написал пять пьес и книгу «Записки диссидента», вышедшую во Франции в 1980 году. В тот же год он отправился на международную конференцию по вопросам сотрудничества в Европе и на испанской дороге погиб «в результате несчастного случая». В том, что гибель 42-летнего талантливого и бесстрашного русского «правозащитника» была несчастьем для его страны, нет сомнений.

**АМЕСТУА (АМЕСТОУ; урожд.
ПОРОХОНСКАЯ) МИЛИЦА, 1909 – 1992**

Среди прочих русских красавиц-манекенщиц, служивших в торговом доме «Дам де Франс», была и юная дочь генерала Порохонского Милица. Позднее она вышла за француза, сменила фамилию и стала настоящей «дам де Франс»...

АМЕТИСТОВ ТИХОН АЛЕКСАНДРОВИЧ, полковник Генерального штаба, секретарь епархиального управления, 1884 – 1941

Полковник Аметистов успел окончить до начала войны Николаевское кавалерийское училище и два класса Николаевской военной академии. В 1916 году он был старшим адъютантом 9-й кавалерийской дивизии, а с конца 1918 года – начальником разведотдела штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии... К 1921 году он уже был в эмиграции, в Париже...

Митрополит Евлогий счел, что Т. А. Аметистов был «подходящим человеком» для секретарства в Епархиальном Совете, однако имел и немало мороки с темпераментным молодым полковником: «Я знал его давно и выбрал в секретари потому, что сочетание в нем образованности светского человека и традиций духовной школы считал ценным. Это был человек даровитый, работоспособный, но, к сожалению, не всегда строгий к себе, увлекающийся...».

Кн. АМИЛАХВАРИ ГИВИ ИВАНОВИЧ, генерал-майор, 25.04.1874 – 14.11.1943

Грузинский княжеский род Амилахвари дал России много отважных воинов. Успели князя Амилахвари послужить и Франции. Во время боев в Северной Африке прославился племянник князя Гиви Амилахвари Дмитрий Георгиевич Амилахвари, молодой офицер, которого называли «героем легенды». Он был счастливый молодожен, только что получил высший орден из рук генерала де Голля и погиб через два дня под Эль-Аламейном... Плачь, Франция, печалься, Грузия, оплакивая бесстрашных братьев Амилахвари (старший из них, Руслан, был еще в пору гражданской войны убит большевиками).

АНДРЕЕВ АЛЕКСЕЙ РОМАНОВИЧ, 21.05.1899 – 9.10.1980

Скрипач Алексей Андреев был в пору своей петербургской юности одним из самых многообещающих учеников знаменитого Леопольда Ауэра. Девятнадцати лет от роду ему пришлось покинуть Россию. На счастье для него, музыканту легче было выжить, чем писателю или генералу. Алексей Романович преподавал музыку, был профессором Русской консерватории, а одно время и ее директором. Музыка считалась в Европе «русской профессией», и у русских преподавателей был высокий престиж.

А. Р. Андреев активно участвовал в культурной жизни русской эмиграции (которая была не просто активной, а, можно сказать, бурной), был членом правления Русского музыкального общества.

АНДРЕЕВ ВАДИМ ЛЕОНИДОВИЧ, 1903 – 1976

Вадим Андреев был старшим сыном знаменитого русского писателя Леонида Андреева. Он рано потерял мать, а достигнув шестнадцати лет, потерял и отца.

После революции Вадим жил в отцом на даче в Финляндии, которая оказалась отрезанной от России, учился в Русской гимназии в Гельсингфорсе, семнадцати лет ушел воевать против красных, потом учился в лицеев Константинополе, где пережил немало приключений. Покровительствовавший русским изгнанникам британский византолог Уитмор выхлопотал Вадиму стипендию и отправил его на философский факультет Берлинского университета. Судьба сына великого человека, как правило, сопряжена с трудностями: вот и сын знаменитого писателя, да вдобавок еще и русский (кто ж из русских не пишет в юности?), молодой Вадим просто обречен был писать стихи и прозу, страдая от недостижимости заданного отцом высокого уровня. Он рано начал печататься, посещал литературное кафе и литературные объединения, учился литературе и других учил литературе, долго оставаясь при этом всего-навсего «сыном талантливого отца», о чем жестоко напомнила ему первая же рецензентка его первого сборника стихов.

В 1924 году Вадим Андреев вместе с другими стипендиатами Уитмора перебирается в Париж, в Сорбонну. Он учится, работает, общается с молодыми поэтами «незамеченного поколения», а также с Ремизовым и Цветаевой, участвует в создании Союза молодых поэтов и писателей, часто выступает на литературных вечерах, пишет стихи, женится на Ольге Федоровой-Черновой, приемной дочери знаменитого эсеровского лидера Виктора Чернова и Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой (Марина Цветаева дружила с этой семьей, жила у Черновых первое время в Париже, а дочь Цветаевой Ариадна вспоминала, что первое в жизни платье ей сшила Оля Чернова).

В Берлине Вадим Андреев стал сотрудничать в просоветском «Накануне», в Париже он тоже находился по большей части в окружении левых – бывших эсеров, левых евразийцев, либеральных масонов. Он и сам был, впрочем, активным членом масонской ложи «Северная звезда». Человек он был добрый, общительный, сверстники (в том числе и Борис Поплавский) охотно посвящали ему стихи. Собственные стихотворные публикации Вадима Андреева не убеждали, впрочем, ни Ходасевича, ни его врага Адамовича в наличии у юноши поэтического дара. В 1938 году Вадим Андреев пишет первую прозу – «Детство. Повесть об отце». Во время войны и оккупации, оказавшись с другими русскими дачниками на острове Олерон, он сблизается с французским Сопротивлением и с коммунистами, а после окончания войны (в самом конце которой он был арестован немцами) берет советский паспорт и работает в сомнительной то ли просоветской, то ли уже просто советской, вполне агитпроповской газете.

Трудно упрекать молодого Вадима Андреева в его просоветских и прокоммунистических симпатиях, к которым склонились в ту пору даже такие борцы против Советов и такие стареющие идеологи демократии, как Маклаков, Милуков, Бердяев, такие люди, как митрополит Евлогий, как эстеты Маковский и Адмович. Видимо, немалую роль (наряду с успешными усилиями советской разведки) сыграло в этом странном, бездумном увлечении бессильное, жалкое, задворочное положение людей эмиграции при сравнении его с новым ореолом могущества (пусть даже тоталитарного) покинутой родины-победительницы. Цветаева (вольно или невольно) выразила общее настроение, воскликнув после выступления Маяковского: «Сила – там!». Может, оттого так сильно и обиделся на нее старый Милуков, что это была и его тайная мысль. Так что нет ничего удивительного в том, что близкий к цветаевско-эфроновской и черновской семье молодой Андреев так трогательно мечтает о Донбассе, Кузбассе, о таинственных «беломорканалах», воспетых коммунистом Луи Арагоном, о заманчивой Сибири. На его счастье, он уехал после войны не на Беломорканал и не в Сибирь, а в Нью-Йорк, на престиж-

ную переводческую работу в ООН (тоже ведь без благосклонности всемогущей Родины и на такую работу не попасть на Западе). Так что, опять же на свое счастье, в Советскую Россию, о которой он столько писал, Вадим Андреев попал впервые лишь в годы «оттепели», в 1957-м, когда уже и у советской интеллигенции «открылись глаза» (точнее, развязались языки). Вдобавок Вадим встретил в России своего ставшего за эти годы «старшим» и по мысли, и по таланту младшего брата Даниила, издевавшего к тому времени и лагеря и ссылку, узнавшего, почему фунт лиха. Да что там, многие осмелевшие русские не боялись уже в ту пору рассказывать правду восторженному советофилю из Парижа – Нью-Йорка. В общем, припав к истокам, Вадим Андреев несмотря на советский паспорт и патриотизм, уезжает на работу не в благосклонную Москву или Кузбасс, а в Женеву, хотя еще продолжает печатать свою прозу – то в Минске, то в Москве, то в Петербурге. Вообще, он уже разобрался, кажется, в смысле легендарных «беломорканалов», приводивших в такой восторг Арагона. Ему объяснили по секрету в России, что эти бессмысленные каналы построены на костях невинных эзков. Так что через сорок лет после первых иллюзий и ностальгических вздохов 63-летний Вадим Андреев пишет вполне неожиданные стихи о путешествии по такому каналу:

Стоят залитые водой леса —
Парад стволов, парад слепых скелетов,
Их руки-ветви вздеты к небесам,
Но мир молчит, и в небе нет ответа.
А там, где оторвался слой коры
И тускло обнажилась древесина, —
Лишь присмотрись – лицо твоей сестры,
Иль без вести исчезнувшего сына,
Отца, быть может, брата. Ты пойми
Тех глаз посмертную, скупую муку
И на прощание рукой возьми,
Живой рукой – безлиственную руку...

Таким оказалось стихотворное прощание с розовой мечтой левого эмигранта. Да что там стихи! Было и большее. Вадим Андреев взялся тайно провезти на Запад рукопись самого страшного тогдашнего врага коммунизма – Александра Солженицына (роман «В круге первом»). Помогали Солженицыну переправлять рукописи на Запад и дети Вадима Андреева – симпатичный, некогда всем переводчикам ЮНЕСКО знакомый Саша Андреев и его сестра Ольга Андреева-Карлайл...

Такой вот типовой жизненный маршрут сына знаменитого Леонида Андреева... Мне рассказывали, что в конце жизни он хотел отказаться от с восторгом некогда принятого советского подданства, но подоспевшая смерть сделала несущественными все эти наши милицейско-префектурные различия...

АНДРЕЕВ ВАЛЕНТИН ЛЕОНИДОВИЧ, 1912 – 1988

Валентин Андреев был сыном писателя Леонида Андреева от его второго брака – с Анной Ильиничной Андреевой (урожденной Денисевич, в первом браке – Карницкой). После смерти Леонида Андреева А. И. Андреева осталась с четырьмя детьми. Ее близкая подруга и соседка по чешской и французской эмиграции Марина Цветаева так описывала парижско-пригородную жизнь А. И. Андреевой в письме из Кламара Анне Тесковой: «У нее четверо детей, и вот их судьба: старшая (не андреевская) еще в Праге вышла замуж за студента-инженера и музыканта. И вот А. И. уже больше года содержит всю их семью (трое), ибо он работы найти не может, а дочь ничего не умеет. Второй – Савва танцует в балете Иды Рубинштейн и весь заработок отдает матери. Третья – Вера (красотка!) служит прислугой и кормит самое себя, – А. И. дала ей все возможности учиться, выйти в люди, – не захотела, а сейчас ей уже 25. Четвертый – Валентин, тоже не захотевший и тоже по своей собственной воле служит швейцаром в каком-то клубе – и в отчаянии. Сама А. И. держит чайную при балете Иды Рубинштейн и невероятным трудом зарабатывает 20 – 25 франков в день, на которые содержит своих – себя и ту безработную семью. Живут они в Кламаре, с вечера она печет пирожки, жарит до 1 ч. ночи котлеты, утром везет все это в Париж и весь день торгует по дешевке в крохотном загоне при студии Рубинштейн, кипятит несчетное число чайников на примусе, непрерывно моет посуду, в 11 ч. – пол, и домой – жарить и печь на завтра...». Можно добавить, что лучшая эмигрантская подруга Цветаевой А. И. Андреева имела вдобавок терпение выслушивать все жалобы страдальницы-поэтессы («с пониманием») и еще находила время, чтобы перепечатывать для нее письма и стихи...

**Вел. Кн. АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
15.05.1879 – 30.10.1956**

Из трех царственных поклонников балерины Матильды (Марии) Феликсовны Кшесинской внук Александра II и племянник Александра III великий князь Андрей Владимирович оказался самым верным и последовательным, ибо в эмиграции он сочетался законным браком и прожил с ней до конца своих дней. Их сын, светлейший князь В. А. Романовский-Красинский (Романов; 111902 – 11974), родившийся еще в России, похоронен здесь же. По свидетельствам А. Вертинского и Вакара, ностальгия по оставленной в отроческие годы родине и его привела в свое время в ряды «младороссов», выступавших «за Царя и Советы».

Андрей Владимирович изучал право и среди Романовых слыл за «семейного юриста». Октябрь застал его в Кисловодске, а в начале 1920 года отплыл из Новороссийска во Францию вместе с великой княгиней Марией Павловной, своей матерью, и будущей женой, балериной Кшесинской (они обвенчались год спустя в Каннах).

**АНДРОНИКОВА (урожд. ВАХТЕР) ЕЛЕНА
КОНСТАНТИНОВНА, 7.10.1890 – 25.8.1938
АНДРОНИКОВ КОНСТАНТИН
ЯСЕЕВИЧ, 16.10.1916 – 12.9.1992
АНДРОНИКОВА НАТАЛЬЯ
АЛЕКСАНДРОВНА, 14.4.1924 – 28.9.1983
АНДРОНИКОВ МАНУИЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ, 10.9.1947 – 15.9.1995**

С Константином Ясеевичем Андрониковым я познакомился в Париже вскоре после смерти его жены Натальи Александровны (урожденной де Курис). Князь жил неподалеку от меня, в 15-м округе Парижа, на тихой улице Розенвальд вместе с семьей сына. Квартира выходила в собственный дворик, где о чем-то ворковали голуби и шелестела листвой береза. День выдался жаркий. Худой, моложавый в свои 70 с лишним князь предложил угостить меня чаем. Но вопреки моему ожиданию чай мы пили не из самовара, а из холодильника – ледяной итальянский чай. Тогда-то я и вспомнил, что вся жизнь князя Константина Андроникова прошла на Западе, по большей части в Париже, но и в Англии, и в Италии тоже – в странствиях и в служебных поездках. Князь Константин Андроников был личным переводчиком и генерала де Голля, и Помпиду, и Жискара д'Эстена, работал в Министерстве иностранных дел, ездил по свету – в том числе и в Москву, был кавалером ордена Почетного легиона, а когда получил право на пенсию, то занялся любимым делом – переводом русских богословских трудов на французский язык. Начал он с трудов Флоренского, а в пору моего первого визита уже была в доме целая полка переводных томов – и Бердяев, и С. Булгаков, и В. Зеньковский....

Князь был неплохо подготовлен к переводческим трудам. В юности он часто ездил в гости в Лондон, к своей тетке – старшей сестре Яссы Ивановича, знаменитой некогда петербургской красавице, воспетой Мандельштамом, – Саломее Андрониковой (как это ни грустно признавать, в перезрелые годы красавица была влюблена... в Сталина). Позднее он окончил Русский богословский институт на Сергиевском подворье и добрых четверть века преподавал в институте литургическое богословие и методологию.

Я приходил к князю Андроникову, чтобы расспросить его о процессе Кравченко (1949 г.), на котором князь был официальным переводчиком и о котором я писал в ту пору книгу для Москвы и Берлина.

– Там выступал настоятель Кентерберийского собора коммунист Хьюлет Джонсон, – вспомнил я. – Что Вы скажете о его выступлении на процессе? Он все ссылался на Царство Божие...

Дипломат и богослов князь Андроников недолго искал подходящие формулировки.

– Он был совершеннейший дурак, этот архиепископ! – воскликнул он горячо (грузинская кровь, дед был губернатором Батума). – Я, говорит, летал над всей Россией и нигде не видел лагерей. Да они там все, коммунисты, читали свой затверженный урок.

Давно ли сидели мы так с К. Андрониковым в прохладной гостиной, открытой во дворик на улице Розенвальд?.. Как бежит время... Уже вон и коммунисты постарались забыть все эти глупости, с которыми они тогда выступали на процессе, не говоря уж о прочих парижанах. А теперь вот и князя Константина больше нет в тихом дворике, где звучат голоса его внуков и почти по-русски шелестит на ветру береза.

АНЦЫФЕРОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ, профессор, 10.09.1867 – 5.03.1943

В 1917 году пятидесятилетний специалист по экономике, кооперации и праву А. Н. Анцыферов защитил докторскую диссертацию на тему «Центральные банки кооперативного кредита». До этого он работал в земских организациях, знакомился с зарубежным кооперативным движением, читал лекции по экономике и кооперации в университетах. После Февральской революции он еще успел подготовить закон о кооперации, но в 1920 году ему пришлось навсегда покинуть Россию. России не нужны были больше специалисты по экономике, сельскому хозяйству и кооперации. Тех, кто не уехал сам, высылали под угрозой смерти. Сельским хозяйством и кооперацией занялись «продотряды». А «продовольственную проблему», кто помнит, и 70 лет спустя все еще пытались решить постановлениями ЦК...

Остаток жизни А. Н. Анцыферов прожил в Париже – преподавал, писал научные труды, возглавлял Совет русских высших учебных заведений во Франции, был вице-президентом Ассоциации бывших студентов Московского университета, был избран членом Международного института изучения кооперации.

Как многие интеллигенты в изгнании, Анцыферов тревожился о будущем оставленной родины. Он председательствовал в Кружке изучения России, куда входили крупные русские ученые-эмигранты Н. Зворыкин, А. Карташов, В. Аршаулов и др. Кружок утруждал себя анализом положения России и «выяснением условий, могущих благоприятствовать его успешному социально-экономическому развитию в будущем».

Анцыферов углубленно изучал проблемы демографии, статистики, христианства и права. Он убежден был, что России, учитывая ее историю, религию и ментальность населения, всего логичнее было бы оставаться монархией. Идеи свои Алексей Николаевич изложил в многочисленных печатных трудах.

**АФАНАСЬЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,
протопресвитер, 4.11.1893 – 4.12.1966**

Священник и богослов. Учился в Белграде, позднее преподавал в семинарии в Скопле и в Богословском институте в Париже. Автор книги «Религия Духа Святого», переведенной на французский язык. Рукоположен в священники в 1940 году.

**БАЖЕНОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ,
capitaine, 20.04.1918 – 8.12.1955**

Сын выпускника Пажеского корпуса Николая Баженова и красавицы-кабардинки Эль-мисхан Хагандовой, дочери генерала Хагандова (впоследствии знаменитой парижской манекенщицы Гали Баженовой, а еще позднее графини де Люар и героини войны), Николай Николаевич Баженов сражался за освобождение Франции бок о бок с американцами в дивизии генерала Кларка. Был бы жив, напомнил бы гордым здешним антиамериканцам, кто освободил Францию...

БАЗАНОВ ВСЕВОЛОД ИВАНОВИЧ, professeur a l'ecole des hautes studes, 24.02.1897 – 5.06.1951

Профессор высшей школы, автор многих научных работ по истории Древнего Мира.

Всеволод Иванович вышел из профессорской семьи: отец его был ректором Томского, а потом Казанского университетов, позднее попечителем учебных заведений в Киеве, мать – художница. Дочери проф. В. И. Базанова пошли по стопам отца и деда. Дочь Ольга, окончив институт в Париже и защитившись в Гарварде, стала в США дипломатом. Супруга Анна Сергеевна (урожденная Джангарова) занимала пост хранительницы в Национальной библиотеке Франции.

БАЙКОВ ГЛЕБ АРКАДЬЕВИЧ, 13-го гусарского Нарвского полка ротмистр, 11.04.1895 – 10.04.1969

Оказавшись с женою в Париже, отставной гусар Глеб Байков не пал духом. Как и многие русские офицеры, он брался за любую работу и даже ухитрился при этом получить высшее образование – не какое-нибудь, а медицинское. Жена Оксана устроилась завскладом в дом моды Ларисы Бейлиной «Лор Белен», где всем заправляла бывшая балерина Тамара Гамзакурдия (во втором браке – де Коби). Глеб работал одно время в том же доме моды шофером, выучился на врача и даже лечил позднее строгую директрису Тамару...

БАКСТ АНДРЕЙ, 21.09.1907 – 8.02.1972

Первое и, наверное, самое трогательное живописное изображение Андрея Бакста появилось в 1908 году. Это была акварель, написанная его отцом, прославленным художником и декоратором Львом Бакстом (много работавшим с Дягилевым). Она называлась «Портрет Андрюши Бакста». Матерью Андрея была Любовь Гриценко, бывшая жена художника Н. Гриценко. Андрею было три года, когда Лев Бакст и Любовь Гриценко разошлись. В 1921 году Л. Гриценко с сыном выехала из России и поселилась в Италии. Л. Бакст высылал им ежемесячное пособие.

Сын вырос художником. В 1928 году умерла мать, и Андрей переехал в Париж. Отцы уже не было в живых. При жизни отца добрые отношения с сыном у него, вероятно, не сложились, и Андрей почти не унаследовал бесценных работ отца: их получили какие-то племянницы. Вот как пишет об этом известный лондонский коллекционер Н. Д. Лобанов-Ростовский: «..сын не унаследовал работ, но ему было оставлено ателье отца на ул. Лористон, Париж, 16...».

В 1934 году осиротевший Андрей женился на прелестной сиротке Ольге Мас. К сожалению, брак их длился недолго: характеры были не простые у обоих. В начале войны Ольга жила в Ницце и стала участницей Сопротивления. Она и ее друзья, рискуя жизнью, прятали обреченных евреев и спасли немало народу. Ольга прожила долго. Перед смертью она получила письмо из иерусалимского института Яд Вашем о том, что она причислена к сонму праведниц (среди двух тысяч французов, которые в войну спасали евреев). «Она была странное, удивительное существо, – рассказывал мне о старой Ольге художник Алексей Оболенский, у родителей которого она снимала комнату в Ла Фавьере. – Любила поэзию и переводила на французский русские стихи. По собственной инициативе перевела на французский язык толстенный том мемуаров моего деда Владимира Оболенского. Она обожала музыку, курила без конца, небрежно разбрасывала окурки в постели, от чего не раз загоралось ее одеяло...» Алексей Оболенский захоронил ее прах в могиле своих родителей, с которыми она дружила, – на прекрасном кладбище городка Борм-ле-Мимоза...

В Париже молодой сын Л. Бакста дружил с К. Сомовым и многими другими художниками, впрочем, не только с художниками. В августе 1940 года В. Н. Бунина, жена писателя, сообщила знакомой: «Не знаю до сих пор об Андрюше Бакст и очень тревожусь. Остальные, кто были на фронте, живы и здоровы».

Вскоре после приезда в Париж Андрей начал работать самостоятельно в кино и в театре художником по декорациям. Его макеты воспроизведены были в престижных французских журналах. Он был художником на таких фильмах, как «Милый друг» режиссера Луи Дакена (по Мопассану), «Ночные красавицы» Рене Клера, на знаменитом «Мишеле Строгове», на «Тиле Уленшпигеле», и еще, и еще...

В 60-е годы Андрей Бакст не раз приезжал на родину. Он передал Третьяковской галерее архив своего знаменитого отца, а Русскому музею – картину Л. Бакста «Древний ужас» и альбом его греческих зарисовок.

За несколько месяцев до смерти он наконец соединился с покойным отцом в Париже: открылась выставка «Памяти Льва Бакста, Андрея Бакста и Жоржа Ландрио».

БАКУНИН АЛЕКСЕЙ ИЛЬИЧ, 10.04.1871 – 1945
БАКУНИНА ЭМИЛИЯ НИКОЛАЕВНА
(урожд. ЛОПАТИНА), 1875 – 1960
БАКУНИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА (1904 – 1995)
БАКУНИНА НАТАЛЬЯ, ум. в 1991 г.

Алексей Ильич был «из тех Бакуниных» и родился в том самом Премухине под Торжком, где просвещенный Александр Михайлович Бакунин растил своих многочисленных сыновей (среди которых был будущий бунтарь Михаил Бакунин) и дочек (в которых по очереди влюблялись Станкевич, Белинский, Боткин, Тургенев), где Михаил Бакунин в табачном дыму проповедовал во флигеле фихтеанство, а потом и гегельянство (не успев толком дочитать ни Фихте, ни Гегеля)... Полвека спустя в Премухине родилась у Алексея Ильича Бакунина и его жены Эмилии Николаевны (урожденной Лопатиной, со знаменитым Германом Лопатиным она была в родстве) дочь Татьяна. Супруги были врачи, в Москве у них была своя больница (Бакунинская). В больнице этой умер патриарх Тихон, никуда не могли его устроить, и Бакунины взяли его к себе, хоть и были, скорее, антиклерикалы, «антицерковники». Поскольку умер патриарх своей смертью, а супруги Бакунины даже пытались вылечить этого опасного человека, сеявшего «опиум среди народа», им пришлось бежать за границу, спасаясь от гнева большевиков. За границей они продолжали лечить соотечественников, а Эмилия Николаевна была одно время врачом в Русском доме. «Бакунина была великолепным врачом, хорошим диагностом, человеком большого терпения», – вспоминал об Эмилии Николаевне священник Русского дома. У него, у этого священника (о. Бориса Старка), были немалые сложности с похоронами Алексея Ильича в конце войны. Вот что он позднее писал об этом: «Не скажу, чтобы оба Бакунины были совершенно атеистами! Нет... У них на столе лежала Библия, и А. И. часто ее почитывал и цитировал, но к церкви (как к организации) и к духовенству отношение было непримиримое... Когда Алексей Ильич умер, то встал вопрос: как его хоронить? Конечно, Эмилия Николаевна не пожелала отпевания и заноса тела в церковь, но для Русского Дома такая демонстрация атеизма была невозможна, тем более что многие любили покойного и искренне хотели помолиться об упокоении его души. Тогда я прошел к Э. Н. и спросил ее, будет ли она протестовать, если мы совершим заочно отпевание ее мужа в храме. Она сказала, что для нее это безразлично, но что если кому-то это может быть приятным, то она не возражает. Так и сделали, и это, кажется, был первый и единственный случай заочного отпевания нашего пенсионера, лежащего в комнате того же дома. После погребения, чисто гражданского, когда все разошлись, я отслужил на могиле литию. Позднее Бакунина заказала нашему архитектору А. Н. Бенуа надгробный памятник: гранитная глыба, на которой рельефом выделен отполированный восьмиконечный православный крест...».

Юная дочь Алексея Ильича и Эмилии Николаевны Татьяна до эмиграции изучала русскую историю в Московском университете, а в Париже писала диссертацию о русском XVIII веке и благородном русском масонстве. Мало-помалу ей раскрылось, какой великой школой нравственного воспитания было русское масонство, привлекавшее в свои ряды все, что было самого высокого в России (Суворова, Кутузова, Карамзина, Грибоедова, Пушкина, самые звучные имена российского дворянства, русских императоров). Вероятно, углублению интереса Татьяны Бакуниной к русскому масонству способствовало и то, что в Париже она вышла замуж за благородного масона, прекрасного русского писателя, истинного «джентльмена эмиграции» Михаила Осоргина, прожила с ним долгие годы в счастливом браке и, закрыв ему глаза в 1942 году, в «свободной зоне», еще более полувека была верна его памяти. В эмиграции она продол-

жала научную работу, выпустила «Словарь русских масонов», две популярные книжки о русском масонстве и была инициатором серии бесценных библиографий эмигрантских писателей. Она много лет работала в Национальной библиотеке Франции и преподавала в «Эколь нормаль супериор» в Сен-Клу. Она считала своим долгом помогать всем, кто писал об эмиграции или просто интересовался русским изгнанием, много десятилетий труда отдала она парижской Тургеневской библиотеке... Мне посчастливилось удостоиться ее дружбы в последние десять лет ее жизни... Я присутствовал на ее похоронах, и мне показалось, что там не было равнодушных... Позднее я выплакал свое горе в очерке «Не надо цветов Татьяне» (Русские тайны Парижа. СПб: Золотой век, 1998): не зная масонских обычаев, я единственный явился в крематорий с цветами. Искренне надеюсь, что она простила мне мое невежество, как прощала бесчисленные огрехи в моих писаниях, которые читала терпеливо и благожелательно.

Помню, как на похоронах Татьяны Осоргиной-Бакуниной на Сент-Женевьев одна из бывших ее студенток читала над раскрытой могилой тексты ее мужа Михаила Осоргина. Мне бы хотелось над могилой Бакуниных прочесть грустный отрывок из письма, написанного Михаилом Осоргиным за год до смерти своему другу и тестю Алексею Ильичу Бакунину (который пережил его всего на три года – эмигранты умирали в те годы один за другим, точно торжество сперва коричневого, а потом красного фашизма лишило жизнь надежды и смысла): «Невеселым рисуется мне будущее, да и не для нас оно... Оглянись на далекое прошлое и подумай о том, как многого не было; столь же многого не будет. Не будет и нашей России, только останется земля, на которой она была в период нашей жизни. Уже ничего не остается от прежней культуры, новое, что народится, нам заранее чуждо. И я не знаю, чего России желать, совершенно не знаю. Обидно и тяжело видеть ее сломанной чужой, железной силой, хочется эту силу видеть взорванной и рассыпавшейся, отмщения хочется, но все это – область личных ощущений, и я не уверен, что нужно этому колоссу оставаться целой глыбой: может, лучше ему рассыпаться и стать кусочной страной народов и инородцев, имевших недолгую общую историю. И о всей Европе не знаю, чего ей желать; если возврата к прежним границам, значит – к повторению и того, что сейчас происходит. А что придумаешь новое?.. Нет, лучше не думать! Тютчев говорит: «Счастлив тот, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Покорнейше благодарим! А наш потомок, которому придется неизмеримо солонее нашего, скажет: «Господи, из-за каких пустяков они волновались! Из-за бомб, от которых можно было спрятаться под землю. Из-за сумасшедшего, который испоганил только часть земли и только на десяток лет. А вот пожил бы в мое время, в его роковые минуты».

Это страшное пророчество сделано было в октябре 1941 года на осоргинском огорожке, неподалеку от кладбища Сент-Женевьев-де-Буа. В том самом запущенном садочке, куда мы и отправились удрученной толпой с кладбища, захоронив рядом с прахом Алексея Ильича и Эмилии Николаевны урну с прахом их прекрасной дочери Татьяны. «Прекрасной русской дамы», как всхлипывая, назвал ее в похоронной речи бородатый французский профессор, которого она после войны учила русскому в «Эколь нормаль де Сен-Клу»...

БАЛАШОВА-УШКОВА АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА, балерина Московских Императорских театров, 1887 – 1979

В 1921 году, когда эта божественная москвичка приехала в эмиграцию, ей поздно было начинать парижскую карьеру. И все же она еще танцевала – чаще на бесплатных благотворительных концертах. На жизнь она зарабатывала уроками: открыла свою балетную школу. Их было уже несколько в Париже. Не только французы, но и бедные русские посылали в них своих девочек: балерина – это была русская профессия (Дягилев успел убедить в этом Францию и весь мир). Нелегкая, конечно, профессия: открытая миру воздушность, скрытые от мира кровавые мозоли. Об этом, кстати, рассказала Франции одна из этих русских девочек, Людмила Черина – знаменитая парижская красавица-балерина, ставшая также знаменитой писательницей и знаменитой художницей...

БАРЖАНСКИЙ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ, lieutenant, mort pour la France, 14.05.1913 – 9.06.1944

Лейтенант Иван Баржанский был расстрелян немцами в городке Каммюнай (Изер) в самом конце войны. Ему исполнился незадолго до этого 31 год.

Вот что рассказывает о смерти Ивана Баржанского бывший священник Русского дома о. Борис Старк: «Сын русского и крещеной еврейки, чрезвычайно духовно настроенной и преданной церкви, Ваня Баржанский служил во французской армии и во время оккупации оказался в оккупированной зоне. Служа под Парижем, он, как и вся эта часть французской армии, был под контролем немцев. Как-то раз ему было велено не то расстрелять, не то отправить в концлагерь группу евреев только за то, что они евреи. Ваня отказался, и когда его спросили, почему он сочувствует евреям, он сказал: «Я сам еврей!», и тут же был расстрелян. Мы очень любили этого честного парня и, как могли, старались поддержать его героически державшуюся мать. Впрочем, Господь сам помогал ей нести этот крест...».

Монахиня мать Иоанна Баржанская (матушка бедного Вани) закончила свои дни в маленьком православном монастыре Покрова Богородицы (на краю леса От в Бургундии) и достигла, по словам знавшего ее Н. А. Струве, «в последние годы поразительного просветления и бесстрастия».

Кн. БАРЯТИНСКИЙ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, 20.12.1874 – 7.03.1941

Чем таким интересным можно заняться в Петербурге, если тебе девятнадцать, если ты князь, если род твой идет по прямой линии от Рюрика, брат твоего дедушки был наместником Кавказа, а сам ты только что окончил Петербургский морской кадетский корпус, принят в Гвардейский морской экипаж, и блистательная северная столица лежит у твоих ног?

Ну, конечно же, написать пьесу! Написать комедию из светской жизни, чтоб публика в зале рукоплескала и смеялась до упаду, актрисы обмирали при твоём появлении, рецензенты восхищались и бранились...

Именно так и поступил юный князь Барятинский, и дальше – пошло-поехало... Он писал статьи и рассказы о театре, печатался в самых больших газетах, сотрудничал в «Новом времени», издавал одно время собственную газету. Потом он женился на актрисе Лидии Яворской и открыл свой собственный театр, где поставлено было большинство его сатирических, а также исторических пьес.

Вспоминая клуб «Медный всадник» при театре Л. Б. Яворской и спектакль «На дне», поставленный в 1914 году в пользу землячества с участием нескольких писателей и самой Яворской, один из младших современников вспоминал о княгине:

«Какой шумный успех она имела, несмотря на свой простуженный, осипший голос! И какой ужасный конец ее ждал в подвале Ялтинской чрезвычайки, где ее расстреляли матросы за то, что она была в костюме сестры милосердия».

Князь уехал на Запад еще в начале Первой мировой войны и оказался в эмиграции, где ему пришлось нелегко. Но он работал, много писал, много печатался (хотя тогда, как и нынче, в эмигрантских газетах платили гроши). С 1928 по 1934 год в одних только парижских «Последних новостях» опубликовано было больше ста его рассказов и очерков, а ведь он написал еще и мемуарную книгу, печатался также в «Русской мысли», в «Иллюстрированной России», в «Мире и искусстве», в «Днях». И при этом у него оставались силы и время на развлечения и на общественную работу. В любопытнейшем газетном объявлении о вечере эмигрантского юмора (осень 1930 года) можно наткнуться (среди других известных всей эмиграции имен) и на фамилию неунывающего князя:

«Литературно-юмористический вечер Дон-Аминадо. Программа вечера: пьеса в трех действиях «Суд над русским Парижем» (эти судебные инсценировки были модным развлечением в городах русского рассеяния – в Праге, Берлине, Париже. – Б. Н.). В роли председательствующего – Н. В. Тесленко при членах суда М. А. Алданове и князе В. В. Барятинском, секретаре Н. Берберовой, защитнике Н. Ф. Балиеве, обвинителе Дон-Аминадо и гражданском истце французском адвокате г. Шарле Карабийере. Артист и режиссер Театра драмы и комедии А. А. Павлов исполняет роль судебного пристава».

Как видите, блистательный аристократ не унывал в скудном Париже 1930 года, не жаловался на судьбу, не ныл, не отчаивался и даже не склочничал... Именно эти редчайшие таланты отмечены были после его смерти в некрологе, опубликованном в 1942 году в самом первом номере нового американского журнала («Новый журнал»):

«Он никогда не жаловался, был всегда со всеми ровен и любезен, разговаривал о своих делах и занятиях почти неизменно в веселом тоне: ну что ж, пожил иначе, теперь живу так, не все ли равно?... Люди, его знавшие, ценили и талантливую натуру, и неизменное безупречное джентльменство этого старого барина».

БЕЗВЕРХИЙ (BEZWERKHNY) Cornely, soldat, 100e reg. inf., 18.05.1912 – 4.06.1940, Meurthe et Moselle

В приказе по дивизии и по армии от 28.10.1943 о рядовом Корнелии Безверхом сказано так:

«Солдат храбрый и преданный. Смертельно ранен во время разведки 4 июня 1940 г. Награжден Военной Медалью и Военным Крестом с серебряной звездой».

Эту войну, которую Франция проиграла так быстро, здесь принято называть «странной» или даже «смешной» (*drole de guerre*). Сомневаюсь, чтобы эти игривые эпитеты приходили в голову семье и близким солдата Корнелия Безверхова.

**БЕК-СОФИЕВ МАКСИМИЛИАН
ОСКАРОВИЧ, 5.01.1906 – 5.11.1937. Замучен
на смерть в Колымских концлагерях
БЕК-СОФИЕВА (ур. КНОРРИНГ)
ИРИНА НИКОЛАЕВНА (Самарск.
губ., 13.05.1906 – Париж, 21.01.1943)**

Зачем меня девочкой глупой От страшной, родимой земли, От голода, тюрем и трупов,
В двадцатом году увезли!

Так сетовала в 1933 году 17-летняя парижская поэтесса Ирина Кнорринг (по мужу Бек-Софиева), чей мучительный эмигрантский путь начался в 1920-м: Туапсе, Симферополь, Севастополь, Бизерта (Тунис), Париж...

Надпись, сопровождающая над той же могилой имя ее молодого родственника – Максимилиана Бек-Софиева, чей труп остался на Колыме, словно бы отвечает на риторический вопрос поэтессы: «Замучен на смерть в Колымских концлагерях». Так что увезли маленькую Ирину, чтобы спасти ее от Колымы и от смерти. Однако увезли в том возрасте, когда решения взрослых больше не убеждают... И вот, как и все ее собратья по «незамеченному поколению», она снова и снова пишет в Париже о полузабытой и малознакомой стране счастливого детства, об идиллической усадьбе, о своей безысходной ностальгии и тоске (у Ирины усугубляемой еще чуть не с двадцатилетнего возраста тяжелой болезнью, рано сведшей ее в могилу).

Да и как было юной парижанке Ирине представить себе ту жизнь, отгороженную железным занавесом, те муки и те лагеря, и ту Колыму, если и жившему неподалеку от них, в «большой зоне», взрослому Б. Л. Пастернаку представить их себе (уже и в 1956-м) было не под силу (что ж тогда говорить о нынешних, все, похоже, забывших сталинистах-россиянах)? Прочитав еще не напечатанный пастернаковский роман, недавний лагерник, замечательный писатель Варлам Шаламов (я еще встречал его, вышедшего на волю, сильно пьющего, знающего нечто за пределами, в голицынской писательской богадельне по осени, когда там бывало дешевле) пытался хоть что-нибудь объяснить в письме великому собрату из мирного Переделкина: «Первый лагерь был открыт в 1924 году. Дело стало быстро расти, началась «перековка», Беломорканал, Потьма, затем Дмитлаг (Москва – Волга), где в одном только лагере (в Дмитлаге) было свыше 80 000 человек. Потом лагерям не стало счета: Севлаг, Севвостлаг, Сиблаг, Бамлаг... Заселено было густо. Белая, чуть синеватая мгла зимней 60-градусной ночи, оркестр серебряных труб, играющий туши перед мертвым строем арестантов. Желтый свет огромных, тонущих в белой мгле бензиновых факелов. Читают списки расстрелянных за невыполнение норм.

Беглец, которого поймали в тайге и застрелили оперативники. Отрубили ему обе кисти, чтобы не возить труп за несколько верст, а пальцы ведь надо печатать. А беглец поднялся и доплелся к утру к нашей избушке. Потом его застрелили окончательно...

Свитер шерстяной, домашний часто лежит на лавке и шевелится – так много в нем вшей.

Идет шеренга, в ряду люди сцеплены локтями, на спинах жестяные номера (вместо бубнового туза), конвой, собаки во множестве, через каждые 10 минут – ло-о-жись! Лежали подолгу в снегу, не поднимая голов, ожидая команды...

Тех, кто не может идти на работу, привязывают к волокушкам, и лошадь тащит их по дороге за 2 – 3 километра.

Ворот у отверстия штольни. Бревно, которым ворот вращают, и семь измученных обрванцев ходят по кругу вместо лошади. И у костра – конвоир. Чем не Египет?».

Я привел этот отрывок из письма, чтобы легче было понять эмигрантских довоенных и послевоенных «советофилов» (в их числе был и отец Ирины), «советизанов» и «сталинистов», которым такое представить было не по силам. Раз уж сам Пастернак... где уж было им, замороченным, униженным, измученным ностальгией по «силе» и «достоинству»?

И вот, будто судьба не оставляла им никакого выхода, – после смерти Ирины Кнорринг и окончания войны отец Ирины и ее муж, молодой, симпатичный, талантливый поэт Юрий Бек-Софиев, взяли советские паспорта и вернулись в Россию. Юрию повезло: в колымские лагеря, как бедный Максимилиан, он не попал. Но и в столицы их не пускали. Разрешили дожить в стране ссылки, в Казахстане. Работал Юрий в каком-то алма-атинском музее художником (невольно приходит на память атмосфера «Хранителя древностей» Ю. Домбровского – этого писателя-зека я тоже встречал в Голицыне) и там при первой возможности издал стихи покойной жены. («Простые, хорошие и честные стихи», – отважно сказала Ахматова о стихах «опасной эмигрантки».)

В семье Бек-Софиевых до революции было много кадровых военных. Дед-артиллерист был один из немногих в российской армии офицеров-мусульман. Впрочем, ведь здесь, на кладбище, мало найдешь русских патриотов без примесей неславянской крови.

Гр. БЕЛЕВСКАЯ-ЖУКОВСКАЯ (урожд. княжна ТРУБЕЦКАЯ) МАРИЯ, 1.06.1870 – 20.03.1953

Урожденная княжна Трубецкая, Мария Белевская приходилась правнучкой поэту Василию Андреевичу Жуковскому. Историк моды Александр Васильев, сообщая об этом, объясняет, почему при выборе манекенщицы русский дом моды ТАО обратил свой взгляд на дочь графини Марии Белевской и графа Алексея Белевского юную графиню Марию Алексеевну Белевскую. Судя по рассказу А. Васильева, юная Мария-младшая попала там в компанию небогатую, но вполне элитарную: «Выбор Марии Белевской в качестве первой манекенщицы был безупречен. Стройная блондинка, тонкие черты, удивительная кожа фарфоровой белизны – лицо, напоминающее камю, она олицетворяла классический тип русской дворянской девушки. И немудрено, ведь в ее жилах текла поистине «голубая кровь»: дочь княжны Трубецкой и графа Белевского, Мария Алексеевна происходила из знатнейших семей старой России. По прямой линии она была праправнучкой поэта Жуковского (напомним о его турецкой крови, и о немецкой – его жены. – Б. Н.), а крестницей приходилась Великой княгине Елизавете Федоровне, сестре последней русской императрицы (тут уж вся «голубая кровь» – немецкая. – Б. Н.).

Примерки в этом ателье проводила Мария Митрофановна Анненкова, счета и бухгалтерию вела княгиня Любовь Петровна Оболенская (судя по соринскому портрету 1918 года, была она истинная красавица. – Б. Н.), а швейным производством заведовала княгиня Мария Сергеевна Трубецкая.

Поначалу Белевская не умела ходить, как положено манекенщицам, но ее научила этому мастерству княжна Мещерская, которая сама впоследствии стала известной манекенщицей.

... в доме ТАО работала приказчицей графиня Мусина-Пушкина. Сестра Марии Алексеевны также работала в ТАО (обратите внимание на дом 32 по авеню Опера – там размещался дом ТАО. – Б. Н.). Она занималась клиентками... Французский «Вог» поместил в февральском номере 1926 года овальную фотографию работы знаменитого Артура О'Нила. Позировала в платье от ТАО Мария Белевская: бледно-розовое вечернее шелковое платье с плиссированными вставками... Оно производило ошеломляющее впечатление на вечерах эпохи джаза».

БЕЛЛИН ВЛАДИМИР ВИКТОРОВИЧ, 1/14.01.1920 – 21.08.1988

Владимир Викторович Беллин родился в семье врача из Ростова-на-Дону, родился под Новый год. Год был из числа «окаянных» (по выражению Бунина). Семимесячным младенцем В. В. Беллина увезли в эмиграцию, в Константинополь – так начались странствия семьи. Потом были пирамиды Египта, живописный берег Женевского озера, США, Франция. В Женеве докторский сын В. В. Беллин изучал медицину, но курса ему окончить не удалось. В американском университете он получил диплом филолога и преподавал литературу во французском лицее в... Каире: эмигрантская судьба. В Египте он занимался русским скаутским движением. В 1956 году Беллин перебрался в Ниццу, а в 1958-м – в Париж, и здесь сбылась давняя мечта: он пригодился и медицине, и России. Сперва работал в больших фармакологических фирмах, торговавших лекарствами, а потом стал торговым представителем фирмы «Медтроник», производившей кардиостимуляторы. Вот тут-то он и начал ездить по делам фирмы в Москву, где продукция «Медтроника» была нарасхват. Имя его было тогда известно в медицинских кругах Москвы, и мы как-то даже спорили с моим другом, профессором-кардиологом Виктором Николаевичем Орловым, о том, сколько «л» надо писать в его фамилии. Теперь-то я знаю, что два, но поделиться мне этим открытием не с кем: Виктор Николаевич давно похоронен под Москвой, а Владимир Викторович – под Парижем...

**БЕЛЯЕВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ,
доктор медицины, 10.07.1880 – 15.05.1956**

До революции многие врачи писали прозу. В эмиграции стихи и прозу писали все. Как же было не писать прозу эмигрантскому доктору Б. Н. Беляеву? В 1938 году он выпустил (под псевдонимом Щербинский) роман «Post-scriptum» чуть не в полтыщи страниц. На роман откликнулся в самой популярной газете («Последние новости») самый популярный и престижный тогдашний критик (Г. Адамович).

БЕННИГСЕН АДАМ ПАВЛОВИЧ, 27.06.1882 – 16.11.1946

БЕННИГСЕН АЛЕКСАНДР АДАМОВИЧ, Croix de guerre 1940 – 1945, medaille de la Resistance, 20.03.1913 – 3.06.1988

Участник французского сопротивления, награжденный Военным крестом и медалью Сопротивления, граф Александр Беннигсен закончил минувшую войну в чине капитана. Он родился в Петербурге, был увезен из Новороссийска в шестилетнем возрасте отцом графом Адамом Павловичем Беннигсеном и матерью, графиней Феофанией Владимировной Беннигсен (урожд. Хвольсон), жил в Турции, потом в Эстонии и, наконец, во Франции. Был он историк, профессор, специалист по русско-тюркской истории и истории ислама, преподавал в Школе высших штудий в Париже, читал лекции в Чикагском университете, незадолго до смерти издал в Париже на русском языке книгу о мусульманах в СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.